

Институт Китая и современной Азии
Российской академии наук

**МЕЖДУНАРОДНАЯ
НАУЧНАЯ
КОНФЕРЕНЦИЯ
ГУМАНИТАРНОЕ
СОТРУДНИЧЕСТВО
СТРАН АТР**

**МОСКВА, 23 АПРЕЛЯ
2025 ГОДА
ТЕЗИСЫ ДОКЛАДОВ**

Москва
ИКСА РАН
2025

УДК [3+7/9]082)
ББК 6/8я43
М43

*Рекомендовано к публикации
Учёным советом ИКСа РАН*

Ответственный редактор:
Горчакова Т.Е., к.э.н.

Редакционная коллегия:
*Казаков О.И., Скворцова Е.М., Суркова Т.Е.,
Субочева В.Н., Цветкова А.А.*

М43 Международная научная конференция «Гуманитарное сотрудничество стран АТР». Москва, 23 апреля 2025 года : тезисы докладов / отв. ред. Т.Е. Горчакова. – М.: ИКСа РАН, 2025. – 116 с.

ISBN 978-5-8381-0499-1

DOI 10.48647/ISSA.2025.30.39.001

Аннотация. На конференции, посвящённой ситуации в странах Азиатско-Тихоокеанского региона, рассмотрены вопросы гуманитарного сотрудничества между ними, включая сферы культурного, образовательного, научного, спортивного, туристического взаимодействия. В период глобальных потрясений ряд стран находится в ситуации политического противостояния, однако при этом гуманитарные контакты продолжают действовать. Актуальность фактора гуманитарного сотрудничества на современном этапе представляется важным как для развития отношений дружественных государств, так и для поддержания контактов государств-оппонентов. Особое внимание уделено гуманитарным связям Российской Федерации с другими странами АТР.

Ключевые слова: АТР, АСЕАН, Россия, Китай, Япония, Республика Корея, гуманитарное сотрудничество, культура, образование, наука, спорт.

Для цитирования: Гуманитарное сотрудничество стран АТР. Международная научная конференция. Москва, 23 апреля 2025 г. : тезисы докладов. М.: ИКСа РАН, 2025. DOI 10.48647/ISSA.2025.30.39.001

УДК [3+7/9]082)
ББК 6/8я43

ISBN 978-5-8381-0499-1

© ИКСа РАН, 2025
© Коллектив авторов, 2025

Institute of China and Contemporary Asia
of the Russian Academy of Sciences

**International scientific conference
“Humanitarian cooperation
of the Asia-Pacific countries”**

April 23, 2025

Abstracts

Moscow
ICCA RAS
2025

*Recommended for publication
by the Academic Council of the
Institute of China and Contemporary Asia
of the Russian Academy of Sciences*

Editor-in-chief:

Gorchakova T.E., PhD (Economics)

Editorial Board:

Kazakov O.I., Skvortsova E.M., Surkova T.I.,

Subocheva V.N., Tsvetkova A.A.

Abstracts. International scientific conference “Humanitarian cooperation of the Asia-Pacific countries” (April 23, 2025). Editor-in-chief T.E. Gorchakova, Moscow: ICCA RAS, 2025. 116 p.

ISBN 978-5-8381-0499-1

DOI 10.48647/ICCA.2025.30.39.001

Abstract. The conference, devoted to the situation in the countries of the Asia-Pacific region, considered issues of humanitarian cooperation between them, including the spheres of cultural, educational, scientific, sports, and tourist interaction. During the period of global upheavals, a number of countries find themselves in a situation of political confrontation, but humanitarian contacts continue to operate. The relevance of the factor of humanitarian cooperation at the present stage seems important both for the development of relations between friendly states and for maintaining contacts between opponent states. Particular attention is paid to the humanitarian ties of the Russian Federation with other countries of the Asia-Pacific region.

Keywords: Asia-Pacific region, ASEAN, Russia, China, Japan, Republic of Korea, humanitarian cooperation, culture, education, science, sports.

For citation: Abstracts. International scientific conference “Humanitarian cooperation of the Asia-Pacific countries” (April 23, 2025). Moscow: ICCA RAS, 2025. DOI 10.48647/ICCA.2025. 30.39.001

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Горчакова Т.Е.</i> Введение	11
--------------------------------------	----

Утреннее заседание

<i>Горчакова Т.Е.</i> Вступительное слово (на англ.)	20
--	----

<i>Адул Супанут.</i> Отношение поколения Y и поколения Z к намерениям снизить концентрацию PM2.5 в Таиланде путём перехода к преимущественному использованию общественного транспорта (на англ.)	24
---	----

<i>Причая Накфон.</i> Управление проблемой наркотиков в Таиланде с помощью подхода снижения вреда (на англ.) ...	26
---	----

<i>Картины Халид.</i> Распределение гражданских обществ в Малайзии: изучение гуманитарной помощи (на англ.)	29
--	----

<i>Тай Майкл.</i> Транснациональная экспансия китайских и российских университетов в АТР (на англ.)	32
--	----

<i>Чжан Даньхуа.</i> Как институты Конфуция формируют национальный имидж Китая посредством преподавания китайского языка (на англ.)	34
---	----

<i>Фан Као Нянь Ань.</i> Гуманитарная помощь Индии и ликвидация последствий стихийных бедствий в Непале (на англ.)	38
---	----

<i>Нур Джухайда Осман.</i> Пример силы в единстве: региональный план АСЕАН в области здравоохранения и биозащиты (на англ.)	40
---	----

<i>Пак Чон Су.</i> Необходимость выделения территории опережающего социально-экономического развития для создания туристического кластера в Хасанском районе Приморского края (на англ.)	43
---	----

<i>Ли Хи Чан.</i> Проблемы экономического сотрудничества Республики Корея и Российской Федерации (на англ.)	46
--	----

Дневное заседание

<i>Кавато Акио.</i> Политика Японии по гуманитарному сотрудничеству в АТР	50
<i>Кириченко М.А.</i> Атомные бомбардировки Хиросимы и Нагасаки: проблемы исторической интерпретации Японией и соседними странами	53
<i>Казаков О.И.</i> Об особенностях гуманитарного сотрудничества между Россией и Японией на современном этапе	57
<i>Афонасьева А.В.</i> Сообщества зарубежных китайцев как инструмент неформального сотрудничества КНР с другими странами: экономический и гуманитарный аспекты	61
<i>Макеева С.Б.</i> Система «побратимского» гуманитарного сотрудничества России и Северо-Западного региона Китая	65
<i>Каткова Е.Ю.</i> Сотрудничество Австралии и Китая в сфере науки и образования	69
<i>Забелла А.А.</i> Сотрудничество Китая и Новой Зеландии в сфере науки и образования	72
<i>Меньшикова Е.С.</i> «Мастерские Лу Баня» как инструмент «мягкой силы» Китая в образовательной сфере	75
<i>Линь Юнь.</i> Исследование практики и влияния гуманитарной помощи Китая и Соединённых Штатов в Азиатско- Тихоокеанском регионе: сравнительный анализ	78
<i>Алексахина С.Н.</i> О развитии международного туризма в рамках проекта «Великий чайный путь»	83
<i>Гараева Э.М.</i> Русский язык как инструмент «мягкой силы» РФ в КНР	86

<i>Куриленко И.А., Эльц Е.Э.</i> Образовательное сотрудничество в АТР и формирование межкультурной компетентности	90
<i>Ким Е.У.</i> Система гуманитарного сотрудничества Республики Корея	94
<i>Шарафетдинова А.И.</i> Аспекты оказания международной гуманитарной помощи Корейской Народно- Демократической Республике в 2000–2005 гг.	98
<i>Нгуен Тхи Нган Занг.</i> Сотрудничество между Вьетнамом и США в культурной области в 2011–2025 гг.	102
Приложение. Программа Международной научной конференции «Гуманитарное сотрудничество стран АТР» (Москва, 23 апреля 2025 г.)	106

CONTENT

<i>Gorchakova Tatiana E.</i> Introduction	11
---	----

Morning session

<i>Gorchakova Tatiana E.</i> Opening remarks (<i>in Eng</i>)	20
--	----

<i>Adul Supanut.</i> Generation Y and Generation Z's behavior of public transportation intentions towards reducing PM2.5 in Thailand (<i>in Eng</i>)	24
--	----

<i>Preechaya Nakfon.</i> Drug problem management through Harm Reduction approach in Thailand (<i>in Eng</i>)	26
---	----

<i>Kartini Aboo Talib Khalid.</i> Mapping civil societies in Malaysia: exploring humanitarian aids (<i>in Eng</i>)	29
---	----

<i>Tai Michael.</i> Transnational expansion of Chinese and Russian universities in Asia-Pacific (<i>in Eng</i>)	32
--	----

<i>Danhua Zhang.</i> How Confucius Institutes are shaping China's national image through Chinese language teaching (<i>in Eng</i>).....	34
--	----

<i>Phan Cao Nhat Anh.</i> India's humanitarian aid and disaster relief in Nepal (<i>in Eng</i>)	38
--	----

<i>Osman Noor Dzuhaidah.</i> The case for strength in unity: ASEAN's regional health and biosecurity plan (<i>in Eng</i>)	40
--	----

<i>Park Chong-Soo.</i> Necessity of designating a leading development zone for establishing a tourist cluster in the Khasan region of Primorsky Krai (<i>in Eng</i>)	43
--	----

<i>Lee Hee Chan.</i> Problems of economic cooperation between the Republic of Korea and the Russian Federation (<i>in Eng</i>)	46
---	----

Afternoon session

<i>Kawato Akio.</i> Japan's policy on humanitarian cooperation in the Asia-Pacific region	50
<i>Kirichenko Maria A.</i> Atomic bombings of Hiroshima and Nagasaki: problems of historical interpretation by Japan and neighboring countries	53
<i>Kazakov Oleg I.</i> On the specifics of humanitarian cooperation between Russia and Japan at the present stage	57
<i>Afonasyeva Alina V.</i> Communities of overseas Chinese as a tool for informal cooperation between China and other countries: economic and humanitarian	61
<i>Makeeva Svetlana B.</i> The system of “twin” humanitarian cooperation between Russia and the Northwest region of China	65
<i>Katkova Evgeniya Yu.</i> Cooperation between Australia and China in the field of science and education	69
<i>Zabella Anastasia A.</i> Cooperation between China and New Zealand in the field of science and education.....	72
<i>Menshikova Ekaterina S.</i> Luban Workshops as China's soft power tool in education	75
<i>Lin Yun.</i> A study on the practice and impact of China and the United States humanitarian aid in the Asia-Pacific region: a comparative analysis	78
<i>Aleksakhina Svetlana N.</i> On the development of international tourism within the framework of the Great Tea Road project	83
<i>Garayeva Elnura M.</i> Russian language as an instrument of soft power of the Russian Federation in China.....	86
<i>Eltz Elena E., Kurilenko Irina.</i> Educational cooperation in the Asia-Pacific region and the formation of intercultural competence	90
<i>Kim En Un.</i> The system of humanitarian cooperation of the Republic of Korea	94

<i>Sharafetdinova Alina I.</i> Aspects of the provision of international humanitarian aid to the Democratic People's Republic of Korea in 2000–2005	98
<i>Nguyen Thi Ngan Giang.</i> Vietnam–US cultural cooperation in 2011–2025	102
Application. The program of the International scientific conference “Humanitarian cooperation of the Asia-Pacific countries” (Moscow, April 23, 2025)	106

Введение

Автор: Горчакова Татьяна Евгеньевна, кандидат экономических наук, заместитель директора по научной работе, руководитель Центра научного мониторинга и развития, Институт Китая и современной Азии РАН. ORCID: 0000-0002-1116-1200. E-mail: tatiana.gorchakova@gmail.com

Ключевые слова: АТР, АСЕАН, Россия, Китай, гуманитарное сотрудничество, политика, туризм.

Для цитирования: Горчакова Т.Е. Введение // Гуманитарное сотрудничество стран АТР. Международная научная конференция. Москва, 23 апреля 2025 г. : тезисы докладов. М.: ИКСА РАН, 2025. С. 11–19. DOI 10.48647/ISSA.2025.85.75.002

23 апреля 2025 г. в Институте Китая и современной Азии РАН (ИКСА РАН) впервые прошла международная научная конференция под названием «Гуманитарное сотрудничество стран АТР», которая была организована Центром научного мониторинга и развития ИКСА РАН. На конференции, посвящённой ситуации в странах Азиатско-Тихоокеанского региона, были рассмотрены вопросы гуманитарного сотрудничества между ними, включая сферы культурного, образовательного, научного, спортивного, туристического взаимодействия. Особое внимание было уделено гуманитарным связям Российской Федерации с другими странами АТР.

Конференция состояла из утренней сессии, которая полностью проходила на английском языке, и дневной сессии, доклады на которой прозвучали на русском языке. При этом докладчики выступали как очно – в зале Учёного совета ИКСА РАН, – так и дистанционно – через сервис видеотелефонии Zoom.

С приветственным словом на конференции выступили:

- *Варапханни Дамронгмани*, Заместитель главы миссии / министра Посольства Королевства Таиланда в России;
- *Хаяси Наоки*, Советник, Начальник Информационного отдела / отдела по культуре Посольства Японии в России;
- *Чо Сун Кван*, Полномочный Министр Посольства Республики Корея в России.

Представители посольств отметили важную роль культурных и гуманитарных контактов в современном мире.

С научными докладами на конференции выступили иностранные учёные и эксперты из Китая, Японии, Республики Корея, Таиланда, Малайзии, Вьетнама и Великобритании. География российских учёных охватила ведущие вузы и НИИ страны. Всего было заслушано 24 научных доклада.

Основной мотивацией проведения конференции, посвящённой гуманитарным отношениям, послужило то, что во многих странах они считаются фундаментальными, являются широкомасштабными, объединяющими народы разных государств. А в период глобальных потрясений, когда некоторые страны находятся в ситуации политического противостояния, гуманитарные контакты продолжают действовать и формировать более позитивную атмосферу в отношениях, обусловленную, в частности, наличием «народной дипломатии». В связи с этим актуальность фактора гуманитарного сотрудничества на современном этапе представляется важным как для развития отношений между дружественными государствами, так и для поддержания контактов между государствами-оппонентами.

При подготовке конференции ставилась задача рассмотреть ситуацию в АТР с точки зрения гуманитарного сотрудничества между странами региона, включая сферы культурного, образовательного, научного, спортивного, туристического обменов. Многолетний опыт Советского Союза показывает, что даже в условиях холодной войны страна уделяла большое внимание взаимодействию со странами-партнёрами и со странами-оппонентами с целью усиления влияния СССР на другие страны через выстраивание контактов в том числе по линии «народной дипломатии». В частности, активно работал Союз советских обществ дружбы и культурной связи с зарубежными странами

(ССОД)¹, который ставил задачу развития дружбы и сотрудничества, культурных и научных связей между общественными организациями, учреждениями и отдельными представителями науки и культуры СССР и зарубежных стран. Многие сотрудники нашего Института в советские годы прошли через эту общественно-политическую школу. С распадом СССР ССОД прекратил своё существование, а входившие в него общественные организации прошли перерегистрацию и теперь играют самостоятельную роль в выстраивании отношений с другими странами.

В период глобальных потрясений и геополитических разломов, которые мы сейчас наблюдаем, некоторые страны находятся в ситуации активного сближения, в то время как другие – в ситуации политического противостояния, однако, за небольшим исключением стран с высокой изоляцией, гуманитарные контакты продолжают действовать по всем направлениям.

Например, 3 января 2024 г. Президент России В.В. Путин распорядился провести в 2024–2025 гг. Годы культуры России – Китая. Это решение было принято для «дальнейшего развития российско-китайских отношений и расширения двусторонних связей в области культуры»². Поздравляя с наступающим 2024 годом председателя КНР Си Цзиньпина, Путин подчеркнул важность планов по проведению Годов культуры двух стран, называл их новым масштабным проектом, который приобретал особое значение в контексте предстоящего 75-летия установления дипломатических отношений между РФ и КНР³. По случаю открытия 9 января 2025 г. IV Российско-китайских молодёжных зимних игр В.В. Путин, в частности, отметил: «Одним из наиболее масштабных, успешных проектов в сфере гуманитарного

¹ Союз советских обществ дружбы и культурной связи с зарубежными странами (ССОД). 1958–1992. *Путеводители по российским архивам*. URL: <https://guides.rusarchives.ru/funds/6/soyuz-sovetskih-obshchestv-druzhby-i-kulturnoy-svyazi-s-zarubezhnymi-stranami-ssod-1958-1992> (дата обращения: 25.04.2025).

² Распоряжение Президента Российской Федерации от 03.01.2024 № 3-рп «О проведении Годов культуры России – Китая». *Официальное опубликование правовых актов*, 03.01.2024. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202401030009> (дата обращения: 25.04.2025).

³ Поздравление главам государств и правительств зарубежных стран с Новым годом. *Президент России*, 30.12.2023. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/73197> (дата обращения: 25.04.2025).

сотрудничества по праву считаются Российско-китайские молодёжные игры по летним и зимним видам спорта»⁴. Очевидно, что активно развивающееся российско-китайское сотрудничество по гуманитарному треку лишь подчёркивает особые отношения стратегического партнёрства между Россией и Китаем.

В позитивном ключе развиваются российско-вьетнамские отношения. Так, 19–20 июня 2024 г. Президент России В.В. Путин посетил Вьетнам с государственным визитом. В ходе визита, в частности, было принято Совместное заявление РФ и СРВ о дальнейшем углублении всеобъемлющего стратегического партнёрства в контексте 30-летия реализации российско-вьетнамского Договора об основах дружественных отношений. Учитывая глубокие исторические связи с Вьетнамом, глава Российского государства принял участие в церемониях возложения венков к Мемориалу павшим героям и Мавзолею Хо Ши Мина⁵. 14–15 января 2025 г., накануне 75-летия установления дипломатических отношений между Россией и Вьетнамом (30 января 1950 г.), состоялся официальный визит председателя Правительства России М.В. Мишустина в дружественный Вьетнам. В ходе визита, в частности, стороны акцентировали внимание на роли народной дипломатии в продвижении российско-вьетнамских отношений традиционной дружбы, приветствовали активизацию гуманитарных обменов, регулярное проведение на взаимной основе национальных дней культуры, выступлений творческих коллективов, кинопоказов, а также мероприятий, направленных на укрепление взаимопонимания между народами двух стран, по линии обществ дружбы, средств массовой информации, и общественных организаций. Стороны поддержали дальнейшие усилия по упрощению режима взаимных поездок граждан⁶.

⁴ Участникам и гостям IV Российско-китайских молодёжных зимних игр. *Президент России*, 09.01.2025. URL: <http://kremlin.ru/events/president/letters/76091> (дата обращения: 25.04.2025).

⁵ Государственный визит во Вьетнам. *Президент России*, 20.06.2024. URL: <http://kremlin.ru/catalog/countries/VN/events/74344> (дата обращения: 25.04.2025).

⁶ Совместное коммюнике по итогам официального визита Михаила Мишустина в Социалистическую Республику Вьетнам. *Правительство России*, 15.01.2025. URL: <http://government.ru/news/53980/> (дата обращения: 25.04.2025).

Россия старается выстраивать конструктивные отношения со странами АСЕАН, а в 2018 г. диалоговое партнёрство с Ассоциацией получило статус стратегического⁷. К тому же, например, этот регион становится всё более популярным для российских туристов. Так, взаимный туристический поток между Россией и странами АСЕАН в 2024 г. достиг 1 млн поездок, причём самые высокие цифры принадлежат Таиланду, Вьетнаму и Индонезии⁸.

С другой стороны, с момента начала специальной военной операции (СВО) России на Украине в феврале 2022 г. резко ухудшились отношения между Россией и рядом стран, которые позднее Россия объявила «недружественными государствами», включая Японию и Республику Корея⁹. К настоящему времени, например, в российско-японских отношениях взаимодействие между странами находится на крайне низком уровне в области политики и экономики, хотя гуманитарные их связи пока сохраняются. Основную роль в поддержании этих связей играют не столько государственные институты, сколько общественные организации и частные лица, заинтересованные в существовании и развитии этих отношений.

На фоне многочисленных научных исследований в области экономики, политики и истории гуманитарные отношения, как правило, находятся на периферии интересов учёных. Тем не менее, публикации на тему гуманитарных отношений на страницах научных журналов периодически появляются.

В частности, в электронном научном журнале «Восточная Азия: факты и аналитика», который был создан в Институте Дальнего Востока РАН (с 2022 г. – ИКСА РАН) в 2019 г., имеется ряд публикаций по гуманитарным отношениям. Это несколько

⁷ Обзор Диалогового партнёрства Россия – АСЕАН. *МИД России*. URL: https://asean.mid.ru/ru/rossiya_asean/dialogovoe_partnerstvo/ (дата обращения: 25.04.2025).

⁸ Минэкономразвития России: в 2024 году взаимный турпоток между Россией и странами АСЕАН достиг 1 млн поездок. *Министерство экономического развития Российской Федерации*, 20.01.2025. URL: https://economy.gov.ru/material/news/minekonomrazvitiya_rossii_v_2024_godu_vzaim_nyy_turpotok_mezhdu_rossiye_i_stranami_asean_dostig_1 mln_poezdok.html (дата обращения: 25.04.2025).

⁹ Правительство утвердило перечень недружественных России стран и территорий. *Правительство России*, 07.03.2022. URL: <http://government.ru/news/44745/> (дата обращения: 25.04.2025).

статей по Японии и ситуации в российско-японских отношениях [Горчакова 2020; Горчакова 2021; Казаков 2022; Казаков 2024; Казаков 2025; Кириченко 2020; Кириченко 2021; Кириченко 2023], по Китаю [Кирюшина 2024] и по странам Корейского полуострова [Поленова 2022].

Отметим, что глобальные конфликты во многом обнажают важность именно гуманитарных отношений, когда политические и экономические связи по тем или иным причинам деградируют. Как представляется, порой отношения между народами разных стран в критических ситуациях важнее, чем субъективные мнения лидеров этих стран относительно друг друга. Таким образом, гуманитарные отношения являются важным объектом научных исследований. Опыт проведения международной научной конференции под названием «Гуманитарное сотрудничество стран АТР» продемонстрировал, что с этим тезисом согласны многие отечественные и иностранные учёные. В частности, по результатам обсуждения участниками конференции была отмечена незаменимая роль гуманитарных отношений между странами в современных условиях, а также предложено проводить конференцию «Гуманитарное сотрудничество стран АТР» в ИКСа РАН ежегодно.

В настоящем сборнике размещены тезисы конференции на языке выступления докладчиков. В Приложении представлена программа конференции на момент её начала. К сожалению, несколько выступающих, указанных в программе, не смогли принять участие в конференции, поэтому их тезисы в сборник не включены.

Организаторы конференции выражают глубокую признательность сотрудникам ИКСа РАН Буровой Е.С., Герасимовой О.А., Киму Е.Е., Трощинскому П.В., а также студентам НИУ ВШЭ Горчакову Е.Д., Перову С.Г., Карпееву Ф.Н. за эффективную помощь при её подготовке и проведении.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Горчакова Т.Е., Казаков О.И.* К вопросу о влиянии COVID-19 на ситуацию в Японии и российско-японские отношения (2020 г. – первая половина 2021 г.) // Восточная Азия: факты и аналитика. 2021. № 2. С. 66–77. DOI 10.24412/2686-7702-2021-2-66-77
- Горчакова Т.Е., Казаков О.И.* Об изменении ситуации в Японии и российско-японских отношениях в 2020 году // Восточная Азия: факты и аналитика. 2020. № 4. С. 49–62. DOI 10.24411/2686-7702-2020-10024
- Казаков О.И.* О гуманитарном сотрудничестве России и Японии на фоне СВО // Восточная Азия: факты и аналитика. 2024. № 1. С. 85–96. DOI 10.24412/2686-7702-2024-1-85-96
- Казаков О.И.* Об особенностях гуманитарного сотрудничества Японии со странами АТР и Россией в 2024 году // Восточная Азия: факты и аналитика. 2025. Т. 7. № 1. С. 78–95. DOI 10.24412/2686-7702-2025-1-78-95
- Казаков О.И.* Об особенностях российско-японских отношений в гуманитарной сфере в 2022 году // Восточная Азия: факты и аналитика. 2022. № 4. С. 16–31. DOI 10.24412/26867702-2022-4-16-31
- Кириченко М.А.* Лингва Хиросима – электронный каталог книг об атомной бомбардировке // Восточная Азия: факты и аналитика. 2020. № 4. С. 63–74. DOI 10.24411/2686-77022020-10025
- Кириченко М.А.* О книге «30 уникальных лиц Японии и России – 3. Люди, внёшие большой вклад в налаживание культурных обменов и взаимопонимания между двумя странами». Продолжение // Восточная Азия: факты и аналитика. 2021. № 3. С. 37–50. DOI 10.24412/2686-7702-2021-3-37-50
- Кириченко М.А.* О книге «30 уникальных лиц Японии и России – 3. Люди, внёшие большой вклад в налаживание культурных обменов и взаимопонимания между двумя странами». Часть I // Восточная Азия: факты и аналитика. 2021. № 2. С. 78–88. DOI 10.24412/26867702-2021-2-78-88
- Кириченко М.А.* Японо-российская гражданская дипломатия в период 2022 – первой половины 2023 года // Восточная Азия: факты и аналитика. 2023. № 2. С. 58–75. DOI 10.24412/2686-7702-2023-2-58-75
- Кирушина А.И.* Проблемы взаимодействия КНР и США в экономической и гуманитарной сферах // Восточная Азия: факты и аналитика. 2024. № 2. С. 20–36. DOI 10.24412/2686-7702-2024-2-20-36
- Поленова А.Л.* Межкорейское культурно-гуманитарное сотрудничество на современном этапе // Восточная Азия: факты и аналитика. 2022. № 2. С. 47–55. DOI 10.24412/26867702-2022-2-47-55

REFERENCES

Gorchakova T.E., Kazakov O.I. (2020). Ob izmenenii situatsii v Yaponii i rossiyskoyaponskikh otnosheniyakh v 2020 godu [On the changes of the situation in Japan and the Russian-Japanese relations in 2020]. *Vostochnaya Aziya: fakty i analitika* [East Asia: Facts and Analytics], 2020, 4: 49–62. (In Russian). DOI 10.24411/2686-7702-2020-10024

Gorchakova T.E., Kazakov O.I. (2021). K voprosu o vliyanii COVID-19 na situatsiyu v Yaponii i rossiysko-yaponskiye otnosheniya (2020 g. – pervaya polovina 2021 g.) [On the question of the impact of COVID-19 on the situation in Japan and Russian-Japanese relations (2020 – first half of 2021)]. *Vostochnaya Aziya: fakty i analitika* [East Asia: Facts and Analytics], 2: 66–77. (In Russian). DOI 10.24412/2686-7702-2021-2-66-77

Kazakov O.I. (2022). Ob osobennostyakh rossiysko-yaponskikh otnosheniy v gumanitarnoy sfere v 2022 godu [On the peculiarities of Russian-Japanese relations in the humanitarian sphere in 2022]. *Vostochnaya Aziya: fakty i analitika* [East Asia: Facts and Analytics], 4: 16–31. (In Russian). DOI 10.24412/2686-7702-2022-4-16-31

Kazakov O.I. (2024). O gumanitarnom sotrudnichestve Rossii i Yaponii na fone SVO [On the peculiarities of humanitarian cooperation between Russia and Japan against the backdrop of the Special military operation]. *Vostochnaya Aziya: fakty i analitika* [East Asia: Facts and Analytics], 1: 85–96. (In Russian). DOI 10.24412/2686-7702-2024-1-85-96

Kazakov O.I. (2025). Ob osobennostyakh gumanitarnogo sotrudnichestva Yaponii so stranami ATR i Rossiiyey v 2024 godu [On the specifics of Japan's humanitarian cooperation with AsiaPacific countries and Russia in 2024]. *Vostochnaya Aziya: fakty i analitika* [East Asia: Facts and Analytics], 7 (1): 78–95. (In Russian). DOI 10.24412/2686-7702-2025-1-78-95

Kirichenko M.A. (2020). Lingva Hirosima – elektronnyj katalog knig ob atomnoj bombardirovke [LinguaHiroshima – a Database of books on atomic bombing]. *Vostochnaya Aziya: fakty i analitika* [East Asia: Facts and Analytics], 2020, 4: 63–74. (In Russian). DOI 10.24411/2686-7702-2020-10025

Kirichenko M.A. (2021). O knige “30 unikal'nyh lic Yaponii i Rossii – 3. Lyudi, vnyosshie bol'shoy vklad v nalazhivanie kul'turnykh obmenov i vzaimoponimaniya mezhdru dvumya stranami”. Prodolzhenie [About the book “30 Unique Figures of Japan and Russia – 3. People who have made a great contribution to the establishment of cultural exchanges and mutual understanding between the two countries”. Continuation]. *Vostochnaya Aziya: fakty i analitika* [East Asia: Facts and Analytics], 3: 37–50. (In Russian). DOI 10.24412/2686-7702-2021-3-37-50

Kirichenko M.A. (2021). O knige «30 unikal'nyh lic Yaponii i Rossii – 3. Lyudi, vnyosshie bol'shoj vklad v nalazhivanie kul'turnyh obmenov i vzaimoponimaniya mezhdu dvumya stranami». Chast' I [About the book “30 Unique Figures of Japan and Russia – 3. People who have made a great contribution to the establishment of cultural exchanges and mutual understanding between the two countries”. Part I]. *Vostochnaya Aziya: fakty i analitika* [East Asia: Facts and Analytics], 2: 78–88. (In Russian). DOI 10.24412/2686-7702-2021-2-78-88

Kirichenko M.A. (2023). Yapono-rossiyskaya grazhdanskaya diplomatiya v period 2022 – pervuyu polovinu 2023 goda [Japanese-Russian civil diplomacy in the period of 2022 – the first half of 2023]. *Vostochnaya Aziya: fakty i analitika* [East Asia: Facts and Analytics], 2: 58–75. (In Russian). DOI 10.24412/2686-7702-2023-2-58-75

Kiryushina A.I. (2024). Problemy vzaimodeystviya KNR i SShA v ekonomicheskoy i gumanitarnoy sferah [Problems of economic and humanitarian cooperation between the PRC and the US]. *Vostochnaya Aziya: fakty i analitika* [East Asia: Facts and Analytics], 2: 20–36. (In Russian). DOI 10.24412/2686-7702-2024-2-20-36

Polenova A.L. (2022). Mezhkoreyskoe kul'turno-gumanitarnoe sotrudnichestvo na sovremennom etape [Inter-Korean cultural and humanitarian cooperation at the present stage]. *Vostochnaya Aziya: fakty i analitika* [East Asia: Facts and Analytics], 2: 47–55. (In Russian). DOI 10.24412/2686-77022022-2-47-55

Opening remarks

Author: Gorchakova Tatiana E., PhD (Economics), Deputy Director for Science, Head of the Center for Scientific Monitoring and Development, Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences. ORCID: 0000-0002-1116-1200. E-mail: tatiana.gorchakova@gmail.com

Keywords: Asia-Pacific region, ASEAN, Russia, China, Japan, Republic of Korea, humanitarian cooperation.

For citation: Gorchakova T.E. (2025). Opening remarks. In: *Abstracts. International scientific conference “Humanitarian cooperation of the Asia-Pacific countries” (April 23, 2025)*. Moscow: ICCA RAS: 20–23. DOI 10.48647/ICCA.2025.51.81.003

Dear colleagues and friends!

Let me announce the opening of our international scientific conference “Humanitarian cooperation of the Asia-Pacific countries” in the Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences in Moscow. This is actually the first inter-center conference in our Institute dedicated to the humanitarian aspects of cooperation between the countries of the Asia-Pacific region. It is designed to highlight the important role of humanitarian cooperation in a situation of high geopolitical risks caused by the military-political confrontation between a number of countries and the formation of a multipolar world by interested actors at the present stage.

While preparing the conference, the task was actually to consider the situation in the Asia-Pacific region from the point of view of humanitarian cooperation between the countries of the region, including the spheres of cultural, educational, scientific, sports, and tourism exchanges. The long-term experience of the Soviet Union shows that even during the Cold War, the country paid great attention to the interaction with partner and opponent countries in order to strengthen

the influence of the USSR on other countries through the establishment of contacts, including “people’s diplomacy”. In particular, the Union of Soviet Societies for Friendship and Cultural Relations with Foreign Countries was active, setting the task of developing friendship and cooperation, cultural and scientific ties between public organizations, institutions and individual representatives of science and culture of the USSR and foreign countries. Many employees of our Institute went through this socio-political school during the soviet years. With the collapse of the USSR, this Union ceased to exist, and the public organizations that were part of it were re-registered and now play an independent role in building relations with other countries.

During the period of global upheavals and geopolitical fault lines that we are now observing, some countries are in a situation of active rapprochement, while the other countries are in a situation of political confrontation. However, with a few exceptions of highly isolated countries, humanitarian contacts continue to operate in all areas. Thus, on January 3, 2024, Russian President Vladimir Putin ordered to carry out the Years of Russia-China Culture in 2024–2025. This decision was made for the “further development of Russian-Chinese relations and expansion of bilateral ties in the field of culture”. Congratulating the Chairman of the People's Republic of China Xi Jinping on the upcoming 2024, Putin emphasized the importance of plans to hold the Years of Culture of the two countries, calling them a new large-scale project, which was of particular importance in the context of the 75th anniversary of the establishment of diplomatic relations between the Russian Federation and the People’s Republic of China. On the occasion of the opening of the IV Russian-Chinese Winter Youth Games on January 9, 2025, Vladimir Putin, in particular, noted: “The Russian-Chinese Youth Games in Summer and Winter Sports are rightfully considered one of the largest, most successful projects in the field of humanitarian cooperation”. It is obvious that the actively developing Russian-Chinese humanitarian cooperation only emphasizes the special relations of strategic partnership between Russia and China.

Russian-Vietnamese relations are developing in a positive way. On June 19–20, 2024, Russian President Vladimir Putin visited Vietnam. As a result, a Joint Statement of the Russian Federation and the SRV was adopted on further deepening the comprehensive strategic partnership in the context of the 30th anniversary of the implementation

of the Russian-Vietnamese Treaty on the Basic Principles of Friendly Relations. Given the deep historical ties with Vietnam, the head of the Russian state took part in the wreath-laying ceremonies at the Memorial to Fallen Heroes and the Ho Chi Minh Mausoleum. On January 14–15, 2025, on the eve of the 75th anniversary of the establishment of diplomatic relations between Russia and Vietnam (January 30, 1950), the Chairman of the Russian Government M.V. Mishustin paid an official visit to Vietnam. The parties emphasized the role of public diplomacy in promoting Russian-Vietnamese relations of traditional friendship, welcomed the intensification of humanitarian exchanges, regular holding of national cultural days on a reciprocal basis, performances of creative groups, film screenings, as well as events aimed at strengthening mutual understanding between the peoples of the two countries, through friendship societies, media and public organizations. The parties supported further efforts to simplify the regime of mutual travel of citizens. Russia is trying to build constructive relations with the ASEAN countries, and the dialogue partnership with the Association in 2018 acquired a strategic status. This region is becoming increasingly popular for Russian tourists. Thus, the mutual tourist flow between Russia and the ASEAN countries in 2024 reached 1 million trips. The highest figures were shown by Thailand, Vietnam and Indonesia.

On the other hand, from the moment of starting the special military operation in Ukraine in 2022, relations between Russia and, for example, Japan, which Russia considers an “unfriendly state”, have sharply deteriorated. Japan took the anti-Russian side in the Ukrainian conflict and joined the anti-Russian sanctions of the G7 countries, after which a rapid degradation of bilateral relations began. At present, interaction between the two countries is at an extremely low level in the field of politics and economics, although humanitarian ties are still maintained by both sides. The main role in maintaining these ties is currently played not by state institutions, but by public organizations and individuals. It can be assumed that after the end of the special military operation, the restoration of Russian-Japanese relations will begin precisely at the level of public diplomacy.

I believe that the relevance of the factor of humanitarian cooperation at the present stage seems important both for the development of relations between friendly states and for maintaining

contacts between opposing ones. I hope that the participants of our conference will consider in more detail the numerous issues related to the problems of humanitarian cooperation between individual states in the Asia-Pacific region.

Thank you for your attention!

Generation Y and Generation Z's behavior of public transportation intentions towards reducing PM2.5 in Thailand

Author: *Adul Supanut*, Assistant Professor, Dean of the Faculty of Economics, Srinakharinwirot University. ORCID: 0009-0007-9366-7099. E-mail: adulsu@g.swu.ac.th

Keywords: Thailand, air pollution, environmental problems, public transportation, theory of planned behavior (TPB), PM2.5.

For citation: Adul Supanut (2025). Generation Y and Generation Z's behavior of public transportation intentions towards reducing PM2.5 in Thailand. In: *Abstracts. International scientific conference "Humanitarian cooperation of the Asia-Pacific countries" (April 23, 2025)*. Moscow: ICCA RAS: 24–25. DOI 10.48647/ICCA.2025.41.59.004

Air pollution, particularly fine particulate matter 2.5 (PM2.5), has become a critical environmental and public health issue in Thailand, primarily caused by emissions from industrial activities, personal vehicles, and household sources. Bangkok, as the country's economic and urban center, experiences severe air pollution due to high personal vehicle ownership rates and rapid urbanization, exacerbating the accumulation of PM2.5. This study aims to explore the behavioral factors influencing the younger generation's intention to adopt public transportation as a means to reduce PM2.5 emissions. Specifically, it applies the Theory of Planned Behavior (TPB) to analyze key determinants – Attitude (ATT), Subjective Norms (SN), Perceived Behavioral Control (PBC), and Personal Moral Norms (PMN) – that influence public transportation adoption.

A quantitative research approach was used, collecting primary survey data from 188 respondents belonging to Generation Y (27–44 years old) and Generation Z (18–26 years old) in Bangkok. Structural

Equation Modeling (SEM) was employed to examine both direct and indirect effects of behavioral variables on public transportation intentions. The results indicate that ATT, PBC, and PMN have significant positive impacts on behavioral intention (BI) to use public transportation, while SN does not show a direct statistical significance. However, SN indirectly influences BI through its positive effects on PMN and PBC, highlighting the role of social influence in shaping personal moral values and perceived ease of adopting public transport.

The findings suggest that raising awareness of PM2.5 pollution and enhancing public transport accessibility can encourage sustainable commuting behaviors. Policy recommendations include improving public transportation efficiency, reducing travel costs to incentivize adoption, and implementing targeted campaigns that emphasize the personal and societal benefits of using public transit. Additionally, fostering environmental consciousness through education and social initiatives may strengthen PMN and reinforce pro-environmental behavior. This study contributes to the ongoing discourse on urban sustainability and offers practical insights for policymakers seeking to mitigate air pollution through behavioral change in Thailand's urban population.

Drug problem management through Harm Reduction approach in Thailand

Author: Preechaya Nakfon, Assistant Professor, Faculty of Social Sciences, Head of Department of Political Science, Srinakharinwirot University. E-mail: preechayan@g.swu.ac.th

Keywords: Thailand, drug control, public health, harm reduction approach.

For citation: Preechaya Nakfon (2025). Drug problem management through Harm Reduction approach in Thailand. In: *Abstracts. International scientific conference “Humanitarian cooperation of the Asia-Pacific countries” (April 23, 2025)*. Moscow: ICCA RAS: 26–28. DOI 10.48647/ICCA.2025.73.63.005

The global issue of drug proliferation has led countries to allocate substantial resources to combat the problem, focusing on both the supply and demand sides. On the supply side, the focus is on suppressing and penalizing producers and traffickers through legal means. On the demand side, efforts aim to reduce drug use through punishment, rehabilitation, and prevention. However, the imbalance between these approaches has resulted in cyclical, unresolved issues. Consequently, a new approach has emerged: Harm Reduction, which shifts the focus from economic models to public health. This strategy aims to reduce harm from drug use while concurrently addressing demand. As drug problems are complex and interconnected, effective solutions must address social, economic, and political dimensions, and be practically feasible.

The Harm Reduction framework is built on principles of health and human rights, emphasizing access to services, education, healthcare, rehabilitation, legal measures, and the creation of supportive environments. In Thailand, Harm Reduction has been adopted as an ‘alternative measure’ to assist drug users who have not yet been able to break free from addiction. The objective is to equip users with the

knowledge and tools to manage their own care and mitigate the negative impacts on themselves, their families, communities, and society at large, while also preventing the spread of communicable diseases. This approach is reflected in the Narcotic Drugs Act B.E. 2564 (2021) and the Act on the Use of Narcotic Drugs B.E. 2564 (2021). However, there remains a gap in clearly defined operational guidelines for implementing Harm Reduction in the context of the national drug legislation.

Past efforts in Thailand to implement Harm Reduction have shown shortcomings in fully aligning with the principles of the approach. The issues identified include the following:

1. Diverse definitions and interpretations: the lack of a unified definition has led to differing understandings, resulting in inconsistent operational strategies. While public health education for drug users has been prioritized, the absence of a clear implementation plan hinders progress. Harm Reduction encompasses more than just healthcare, yet there is a lack of concrete, actionable plans for non-health sectors. Consequently, local agencies often misunderstand their roles and rely on their own interpretations of policies, especially law enforcement, which may feel that Harm Reduction contradicts other legal directives.

2. Harm Reduction was misunderstood as treatment: Harm Reduction has often been viewed primarily as a treatment strategy aimed at helping users quit drugs. This narrow focus has led to the prioritization of specific groups, such as opium and heroin users, as well as those who inject drugs. However, given that methamphetamine and crystal methamphetamine are the most prevalent drugs across regions, there has been insufficient focus on tailoring Harm Reduction strategies for these groups. This gap has prevented a broader shift in policy and practice that incorporates a clear Harm Reduction framework across all types of drug use.

3. Misalignment with the true goals of Harm Reduction: while the principles of Harm Reduction are acknowledged, there is insufficient understanding of its ultimate goals. This has resulted in continued adherence to the assumption that drug users must fully abstain from drug use before they can be considered safe for themselves and society. Furthermore, Harm Reduction has been mistakenly seen as encouraging ongoing drug use, which contradicts the fundamental objectives of the approach. This lack of comprehension among policymakers and

practitioners has limited the effective integration of Harm Reduction principles into Thailand's drug control strategies.

4. Authoritarian implementation: the enforcement of Harm Reduction principles has often been overly authoritarian, with the state primarily using coercion to force drug users into treatment programs with the goal of ensuring abstinence. This has led to users evading detection and sometimes bribing law enforcement, undermining the effectiveness of the Harm Reduction approach. The focus has remained on punitive measures, rather than on providing the necessary support to reduce harm and promote rehabilitation.

5. Stigmatization and fear-mongering: public discourse has often focused on instilling fear regarding drug use, rather than promoting education and understanding of the challenges faced by drug users. This has fostered negative societal views, portraying drug users as dangerous individuals, and has made reintegration into society difficult after treatment. The predominant focus on preventing new users and reducing overall drug use has led to harmful stigmatization, further hindering the successful implementation of Harm Reduction strategies.

The key issues to address for managing drug-related problems through Harm Reduction include:

1. Clear coordination and service integration: it is essential to establish clear guidelines for coordination and service delivery between agencies. This should include both government and non-government sectors, ensuring drug users receive comprehensive care. Additionally, protocols for inter-agency referrals should be standardized to ensure continuous support.

2. Aligning with other drug control measures: Harm Reduction must be aligned with other drug control efforts, particularly law enforcement. Collaboration between law enforcement and service providers is necessary to ensure a cohesive approach that emphasizes rehabilitation and harm reduction over punitive measures.

By addressing these issues, Thailand can develop a more effective and integrated strategy for managing drug-related problems. This will involve aligning harm reduction principles with legal frameworks and healthcare systems to reduce the negative consequences of drug use and provide comprehensive support to users in overcoming addiction.

Mapping civil societies in Malaysia: exploring humanitarian aids

Author: Kartini Aboo Talib Khalid, PhD, Professor, Deputy Director, Institute of Ethnic Studies (KITA), National University of Malaysia. ORCID: 0000-0002-1702-0601. E-mail: k_khalid@ukm.edu.my

Keywords: Malaysia, civil society, non-state actors, NGOs, voluntarism, collectivism, wellbeing.

For citation: Kartini Aboo Talib Khalid (2025). Mapping civil societies in Malaysia: exploring humanitarian aids. In: *Abstracts. International scientific conference "Humanitarian cooperation of the Asia-Pacific countries"* (April 23, 2025). Moscow: ICCA RAS: 29–31. DOI 10.48647/ICCA.2025.61.24.006

Malaysia is recognized as a democratic nation that actively encourages the involvement of civil society in its development. The significant impact of colonialism on ethnic identities has led most non-governmental organizations registered with the Registrar of Societies of Malaysia (ROS) to advocate for ethnic interests and activities primarily. However, such polarizing activities do not cause discomfort within society; they serve as a mechanism to connect or reconnect the diverse layers of communities distinguished by race, social class, and geography. In line with public advocacy efforts, although Malaysia is not a signatory to the Refugees Convention, the country is home to more than 200,000 refugees of various origins and categories, as well as over 3 million illegal immigrants. Drawing from years of experience managing refugees, Malaysia has yet to establish a systematic approach to address the superdiversity resulting from its diverse migrants and refugees.

Tracing the history of migrant communities brought to Malaya by the British in the 1930s shows that civil society existed even before the advent of democratic independence. Moreover, this evidence is

essential for challenging the fundamental belief that democracy is the cornerstone of liberty, freedom of movement, and well-being. The British had little intention of providing basic facilities for migrant laborers in Malaya but did not prevent these communities from forming associations to meet their needs, including rituals, funerals, education, and well-being. The concept of association during this period relied on community organizations and the spirit of voluntarism.

Post-independence marked a continuous increase in progress within civil society movements, showcasing diverse activities, interests, and societal impacts. As of 2024, approximately 500,000 organizations, including NGOs, community groups, trade unions, associations, and political parties, were registered with Malaysia's Registrar of Societies (ROS), the government body responsible for overseeing the registration and regulation of societies and associations in Malaysia¹⁰.

Civil society refers to the collective organizations, groups, and institutions that exist outside the direct control of the government and work towards various social, cultural, political, and economic goals. In Malaysia, civil society plays an essential role in shaping public policy, advocating for the rights of marginalized communities, gender equality, environmental degradation, migrant workers, refugees, and asylum, and contributing to the country's overall development. Civil society movements can be categorized into a few types: nongovernment organizations, community-based organizations, professional associations, faith-based organizations, and media and advocacy groups¹¹.

In the Asia-Pacific region, issues affecting stateless societies, such as the Rohingya crisis, are addressed at the regional level, with ASEAN countries providing temporary shelter and assistance. In Malaysia, the refugee population has steadily grown, reaching an estimated 200,000 to 250,000 in 2023. NGOs like IKRAM, Mercy Malaysia, and Cinta Syria continue to support refugees with education, healthcare, and financial aid. Following Malaysia's efforts to continuously assist refugees and asylum seekers, despite being a non-signatory to the Refugee Convention of 1951, the country is experiencing a shift from

¹⁰ Malaysia's Registrar of Societies. URL: <https://www.ros.gov.my/portal-main/statistics-list>

¹¹ Ibid.

diversity to superdiversity, as the influx of refugees and illegal migrants contributes to increased diversification of race, culture, and values.

Many civil society organizations collaborate with government agencies to enhance public services, particularly healthcare, education, and disaster relief. These partnerships are crucial during times of crisis, as civil society can effectively address gaps in government responses. Furthermore, the growth of civil society has impacted the private sector, with companies receiving tax exemptions for their contributions to societal well-being. Corporate social responsibility (CSR) initiatives encourage businesses and individuals to donate essential items, such as household goods, personal necessities, and food, to support those affected by disasters. Civil society organizations are vital in delivering aid to remote areas, ensuring that essential services reach vulnerable populations until government resources are fully mobilized.

Lavrov (2017) provides a compelling account of celebrating fifty years of bilateral relations between Russia and Malaysia. Over the years, Russia and Malaysia have forged a long and fruitful partnership. Moving beyond trade and capital, both nations signed an agreement on Science and Technology in 2003 and initiated several cooperation projects focused on cultural exchange and education.

Approximately 3,000 Malaysian students are enrolled in Russian universities, primarily medicine and engineering. Russia is ready to accommodate additional students, particularly in programs related to oil production, the aviation industry, and aerospace education. With the ongoing connection between Russia and Malaysia, establishing a Russian Alumni NGO will create a structured and supportive environment prioritizing professional development for mutual benefits. Dedicated alums can expand their networks through reunions, career fairs, and industry-specific meetups, contributing to both communities.

Transnational expansion of Chinese and Russian universities in Asia-Pacific

Author: *Tai Michael*, PhD, Professor, University of Cambridge, Fellow of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland. E-mail: mtai33@gmail.com

Keywords: China, Russia, soft power, cultural diplomacy, education, universities.

For citation: Tai Michael (2025). Transnational expansion of Chinese and Russian Universities in Asia Pacific. In: *Abstracts. International scientific conference “Humanitarian cooperation of the Asia-Pacific countries” (April 23, 2025)*. Moscow: ICCA RAS: 32–33. DOI 10.48647/ICCA.2025.91.38.007

The transnational expansion of universities has become a prominent instrument of soft power, particularly for states seeking to enhance their global influence through educational and cultural diplomacy. This paper investigates the strategies and outcomes of Chinese and Russian universities as they establish overseas campuses in the Asia-Pacific region, using case studies such as Xiamen University in Malaysia, Beijing Language and Culture University in Kazakhstan, and Moscow State University’s campus in Shenzhen, China. These initiatives are analyzed within the broader context of each country’s geopolitical ambitions and efforts to foster international collaboration and cultural exchange through higher education.

Chinese universities have demonstrated a robust commitment to transnational education, leveraging government-backed initiatives like the Belt and Road to facilitate the growth of international branch campuses. These campuses serve as conduits for promoting Chinese language, culture, and academic models, thereby strengthening bilateral ties and enhancing China’s appeal in host countries. The Chinese approach is characterized by a combination of educational quality,

economic incentives, and cultural outreach, targeting regions with rising demand for higher education and aligning with China's long-term geopolitical objectives. The proliferation of Chinese branch campuses in Southeast Asia, for example, is closely linked to the necessity of Chinese language skills and the perceived economic opportunities associated with China's rapid development.

In contrast, Russia's engagement in transnational higher education within the Asia-Pacific has been more limited, yet it reflects a growing recognition of the region's strategic importance. Moscow State University's campus in Shenzhen exemplifies Russia's attempt to deepen educational and cultural ties with China and the broader Asia-Pacific, using academic diplomacy as a means to project soft power and complement its geopolitical interests. Despite these efforts, Russian universities face significant challenges, including less developed strategic frameworks, competition from established regional and Western institutions, and the need to adapt curricula to local contexts.

The paper further examines the prospects for expanded Russian participation in Asia-Pacific higher education, considering factors such as regional demand, regulatory environments, and the evolving landscape of international academic cooperation. It highlights the importance of sustained investment, quality assurance, and mutual recognition of academic credentials in ensuring the long-term success of transnational campuses. Additionally, the study discusses the role of joint programs, student exchanges, and collaborative research initiatives — such as those between Russian and Chinese universities — as supplementary mechanisms for soft power projection and international engagement.

By systematically comparing the approaches of China and Russia, this study illuminates both the opportunities and obstacles inherent in using university campuses as tools of soft power. It argues that while Chinese universities have achieved notable success in leveraging transnational education for geopolitical gain, Russian institutions are still in the early stages of developing a coherent strategy for the Asia-Pacific. The implications of these educational expansions are significant for regional dynamics, potentially reshaping patterns of cultural influence, academic mobility, and international collaboration in the Asia-Pacific region.

How Confucius Institutes are shaping China's national image through Chinese language teaching

Author: Danhua Zhang, Professor, Shanghai University, Deputy Director of Public Diplomacy Institute of Shanghai Cooperation Organization. E-mail: zdh7238@126.com

Keywords: China, Confucius Institutes, soft power, language teaching, Chinese culture.

For citation: Danhua Zhang (2025). How Confucius Institutes are shaping China's national image through Chinese language teaching. In: *Abstracts. International scientific conference "Humanitarian cooperation of the Asia-Pacific countries"* (April 23, 2025). Moscow: ICCA RAS: 34–37. DOI 10.48647/ICCA.2025.32.32.008

With the historic changes in China's relationship with the world, China has gradually moved from a country outside the existing international system to the center of the international stage. As an important platform for the world to understand China, Confucius Institutes have become a link and bridge for global spiritual communication¹². Correctly understanding the strategic positioning of Confucius Institutes in the context of the times is of great practical significance for China in order to establish a good national image and enhance its international discourse power.

1. Confucius Institutes are an important platform for the world to understand China

The importance of public diplomacy in establishing a good national image and enhancing international discourse power for a country is self-evident. After entering the 21st century, China began to think more

¹² 国家汉办网站 2017 年 9 月 29 日 . URL: http://www.hanban.edu.cn/article/2017-09/29/content_700402.htm

systematically about how to build and utilize soft power to enhance the country's comprehensive strength. Language is the best key to understanding a country. In 2004, China established the first batch of Confucius Institutes in South Korea and Uzbekistan, with the main function of conducting Chinese language teaching and spreading Chinese culture to the world. With the sincere cooperation and joint efforts of both domestic and foreign parties, significant progress has been made in the construction of Confucius Institutes and international Chinese language education.

In 2017, 516 Confucius Institutes and 1076 Confucius Classrooms were established in 142 countries and regions worldwide. From the four indicators of coverage of countries, branch offices, teachers, and students, Confucius Institutes have become one of the largest language and cultural promotion institutions in the world. In 2020, the number of people studying Chinese overseas reached 200 million. As a window and bridge for Chinese and foreign language and cultural exchanges, Confucius Institutes and Confucius Classrooms have played a positive role in learning Chinese and understanding Chinese culture for people around the world, and have also made important contributions to promoting people to people and cultural exchanges between China and other countries around the world and promoting the development of diverse and colorful world civilizations.

2. Confucius Institutes spread a national image in the international community through Chinese language teaching

In 2016, the number of registered students in Confucius Institutes and Confucius Classrooms worldwide was 460000, and the number of people participating in Chinese cultural activities was 2.7 million, an increase of 37.3 % and 14 % respectively from the previous year, making it one of the fastest growing regions in the world. Many well-known experts and think tanks believe that Confucius Institutes have greatly driven the global “Chinese fever” and “China fever”, helping China move to a language powerhouse¹³.

The dramatic rise of Confucius Institutes has attracted the attention of foreign public diplomacy scholars and policy makers. Scholars generally believe that the development of Confucius Institutes has filled

¹³ 国家汉办官方微信平台. URL: http://mp.weixin.qq.com/s/wvyzPUWAa_Qt-NiWw30O5Q

the gap between China's economic strength and soft power, effectively reflecting China's political ideals. Martin, CEO of the British Council, exclaimed that Confucius Institutes have completed the decades or even centuries long journey of language promotion institutions in countries such as England, France, Germany and Spain in just a few years. Like China's economic development, they can be called a world miracle¹⁴.

The Confucius Institute is named after the Chinese philosopher Confucius (551–479 BC), embodying the essence of Chinese culture and Confucian values. The core of Confucianism is ethical thinking, which means correct interpersonal relationships. The focus of the development of Confucius Institutes is to cultivate and maintain interpersonal relationships. Confucius Institutes, as a public good, create complex networks of relationships to promote and disseminate culture, and engage Chinese culture in public activities through two-way dialogue.

Jennifer Huber, in her paper “Authenticating the Nation: Confucius Institutes and Soft Power,” states that the main purpose of Confucius Institutes is not only to increase cultural exchange between different cultures, but also to build a national image of China in the international community.

3. Network structure and network collaboration are the organizational guarantees for Confucius Institutes to promote national image

Compared with other language promotion agencies in the world, Confucius Institutes are not independent institutions, but are closely related to Chinese universities that have established Confucius Institutes overseas and the Confucius Institute headquarters in Beijing. This structural form of internal and external connections is not only for the dissemination of language and culture, but also for establishing a diplomatic approach between China and the outside world.

The development of Confucius Institutes is different from the standalone mode of operation in most countries, as Confucius Institutes adopt a Sino foreign cooperative education model. The network structure and network collaboration are the organizational guarantees for Confucius Institutes to spread the national image. According to the Articles of Association of Confucius Institutes, all Confucius Institutes

¹⁴ 摘自《中南民族大学学报(人文社会科学版)》2014年第6期。

are voluntarily applied for by foreign parties, and cooperation agreements are signed on the basis of full consultation between the two parties. Chinese and foreign universities adopt a partnership cooperation model, with the headquarters of both parties located in Hanban, China, creating a multidimensional and multi-level global network structure centered around Beijing.

India's humanitarian aid and disaster relief in Nepal

Author: Phan Cao Nhat Anh, Deputy Director General, Institute for South Asia, West Asia and African Studies, Vietnam Academy of Social Sciences. ORCID: 0009-0007-9366-7099. E-mail: pcnanh@hotmail.com

Keywords: India, Nepal, humanitarian aid and disaster relief, natural disasters.

For citation: Phan C.N.A. (2025). India's humanitarian aid and disaster relief in Nepal. In: *Abstracts. International scientific conference "Humanitarian cooperation of the Asia-Pacific countries" (April 23, 2025)*. Moscow: ICCA RAS: 38–39. DOI 10.48647/ICCA.2025.31.39.009

There is an undeniable connection between state's foreign interests and its engagement in humanitarian aid and disaster relief (HADR). The geography of South Asia makes it prone to many natural disasters, including volcanoes, earthquakes, cyclones, monsoons and, ultimately, massive floods. India's economic development and rise as a global power are reflected in its growing presence in the humanitarian aid sector. India's leadership in disaster management has asserted its role as a key partner in humanitarian aid and disaster relief activities. Humanitarian aid and disaster relief is listed as one of the forms of developmental support, which is an integral part of India's foreign policy pillars. India's foreign assistance is providing relief following natural disasters and humanitarian crises in two forms. One is of humanitarian assistance in cash, commodities, and medicines, directly offered to governments affected by natural disasters and other calamities. Another aspect of HADR involves deployment operations undertaken by the Indian military and government agencies.

Humanitarian aid and disaster relief activities are in line with the foreign policy initiatives taken by the Narendra Modi government since it came to power in 2014, known as the "Neighbourhood First" policy.

On the other hand, India's actions to assist its neighbours during humanitarian emergencies is a concrete manifestation of its philosophy of "Vasudhaiva Kutumbakam". The concept of "Vasudhaiva Kutumbakam" ("The world is a family") is an ancient Indian philosophical idea that transcends boundaries of culture, religion and nationality. India's "Neighbourhood First" policy aims to strengthen ties with its neighbours while advancing international peace and cooperation. The ongoing political, economic and social turmoil in South Asia has disrupted the peace and stability of India's neighbouring countries and the entire region. Nepal is a priority partner of India under its "Neighbourhood First" policy. Being a landlocked country, Nepal is sandwiched between two giant neighbors – China and India. India needs a friendly government in Nepal to prevent China from gaining the upper hand in the race for influence in the region. In fact, the competition for influence in Nepal by China and India is not new, but it has been pushed to a new level.

India aspires to establish a bigger position in the region to reach out to the world. India emerged as a key player after the 2015 earthquake and 2024 floods in Nepal. During the Covid-19 pandemic, the government of India has provided Nepal with "Made in India Covid-19" vaccines. India also attempted to assist Nepal in its overall post-disaster reconstruction efforts over the long term. India has been playing an important role in providing HADR in the region and beyond.

This paper explores India's role through its humanitarian aid and disaster relief activities in Nepal. It also enables us to understand that HADR has emerged as a key aspect of Indian foreign policy as India has emerged as the first responder to humanitarian crises within its immediate neighbourhood and beyond. These developments also demonstrate India's far reaching HADR capabilities as well as its engagement in responsible state behaviour within its neighbourhood. Its prompt assistance to Nepal shows that Nepal is a close neighbour and a major beneficiary of India's HADR. India's role in disaster relief management also affirms India as an important partner in the region.

The case for strength in unity: ASEAN's regional health and biosecurity plan

Author: Osman Noor Dzuhaidah, Dr., Lecturer, Faculty of Syariah and Law, Universiti Sains Islam Malaysia. ORCID: 0000-0003-2659-9309. E-mail: noordzuhaidah@usim.edu.my

Keywords: ASEAN, Malaysia, ACPHEED, APHECS, public health, healthcare.

For citation: Osman N.D. (2025). The case for strength in unity: ASEAN's regional health and biosecurity plan. In: *Abstracts. International scientific conference "Humanitarian cooperation of the Asia-Pacific countries"* (April 23, 2025). Moscow: ICCA RAS: 40–42. DOI 10.48647/ICCA.2025.26.26.010

ASEAN has achieved notable public health and scientific research advancements via collaborative initiatives with foreign partners. This paper examines the contributions of ASEAN and key partners, including Japan, the United States and Russia, in advancing humanitarian, educational, and scientific collaboration within ASEAN, specifically through initiatives like the ASEAN Centre for Public Health Emergencies and Emerging Diseases (ACPHEED) and the ASEAN Public Health Emergency Coordination System (APHECS). ACPHEED is a regional project to augment ASEAN's capacity to prevent, identify, and respond to public health emergencies and emerging diseases. It is a forum for member governments to exchange information, expertise, and resources, promoting collaboration to tackle health concerns effectively. Essential functions encompass early warning systems, capacity enhancement, research, and information dissemination. Despite obstacles such as budget limitations and disparate public health capabilities, ACPHEED is crucial in enhancing regional health security and resilience. ACPHEED was established at the 37th ASEAN Summit in November 2020. The concept of creating ACPHEED originated from a feasibility study funded by Japan via the

Japan-ASEAN Integration Fund (JAIF). In 2021, Japan allocated \$50 million to implement ACPHEED, depending on selecting a host country from ASEAN member nations. Japan has actively participated in the formation and operational support of ACPHEED, providing significant funds and technical knowledge. Malaysia applauded the creation of the ASEAN Regional Reserve of Medical Supplies (ASEAN-RRMS) and ACPHEED. These efforts seek to enhance the region's readiness for public health catastrophes, particularly pandemics, and alleviate the strain on healthcare services. The regional and bilateral collaboration in health is vital. ASEAN-RRMS aims to augment capacity, resilience, and readiness for public health emergencies. Malaysia conveyed appreciation to ASEAN+3 nations, comprising China, South Korea, and Japan, for their assistance during the initial phases of the COVID-19 epidemic. The programs are dedicated to exchanging experiences and acquiring knowledge from exemplary practices across ASEAN member nations and their partners. Malaysia is advised as of now as ASEAN Chairman to champion regional cooperation to improve readiness and response to public health crises.

ASEAN governments should cooperate in endorsing the Japan-funded centre to tackle issues such as vaccine production and case detection. ASEAN is among the regions most impacted by pandemics and disasters, underscoring the necessity for a specialized centre. Japan is lauded for its disaster preparedness and public health initiatives, acting as a paradigm for ASEAN. The pandemic has enhanced hygiene and sanitation practices in Malaysia, leading to a decline in influenza and other infectious diseases.

The United States has assumed a leadership position in APHECS by offering training, early warning systems, and logistical support to enhance emergency coordination among ASEAN member states. The ASEAN Public Health Emergency Coordination System (APHECS) project aims to create a cohesive regional strategy for managing public health emergencies in Southeast Asia. Funded by USAID, APHECS consolidates existing coordinating frameworks, including the ASEAN Emergency Operations Centre Network and the ASEAN-Plus Three Field Epidemiology Training Network, into a unified platform. It emphasizes enhancing information dissemination, expeditious epidemic response, and resource allocation among member states. Through the

promotion of collaboration, APHECS improves the region's capacity to address cross-border health hazards and respond adeptly to developing public health emergencies.

Russia and ASEAN have established a strategic partnership focused on political, economic, and security collaboration. Their engagement encompasses projects such as the ASEAN-Russia Dialogue Partnership and cooperative trade, investment, and public health endeavours. They collaborate on regional stability, pandemic response, and promoting mutual growth through various ASEAN-led initiatives.

This study employs a qualitative methodology in law, namely the doctrinal legal method, which is based on examining international legal instruments, multilateral agreements, and strategic cooperation frameworks. It analyzes the influence of international agreements, like the International Health Regulations (IHR, 2005) established by the World Health Organization (WHO) and ASEAN regional accords and initiatives, on the public health landscape. This study underscores the imperative of ongoing international collaboration, highlighting the evolving yet crucial role of ASEAN and its partner nations in enhancing ASEAN's ability to address public health emergencies and foster sustainable development via educational and scientific alliances.

The paper examines the viability of creating a regional public health emergency centre for ASEAN. It underscores the significance of such a centre in mitigating cross-border health hazards and enhancing regional coordination during public health emergencies. The article addresses potential obstacles, such as inequalities in public health infrastructure among member nations and the necessity for ongoing political commitment. It also underscores opportunities, such as utilizing existing networks and promoting engagement with international organizations to strengthen regional health security and resilience.

Necessity of designating a leading development zone for establishing a tourist cluster in the Khasan region of Primorsky Krai

Author: *Park Chong-Soo*, PhD (Economics), Ex-Chairman of the Presidential Committee on Northern Economic Cooperation. E-mail: gepi365@gmail.com

Keywords: Russia, South Korea, North Korea, leading development zone, international tourism, infrastructure.

For citation: Park C-S. (2025). Necessity of designating a leading development zone for establishing a tourist cluster in the Khasan region of Primorsky Krai. In: *Abstracts. International scientific conference "Humanitarian cooperation of the Asia-Pacific countries" (April 23, 2025)*. Moscow: ICCA RAS: 43–45. DOI 10.48647/ICCA.2025.95.29.011

Despite being the starting point of the Russian Federation, the underdeveloped border area of Khasan, where North Korea, China and Russia meet, has been left neglected. Designating it as a leading development zone for an international tourism cluster can serve as a gateway for the development of the Russian Far East and Arctic, and help build a permanent belt of peace and prosperity in Northeast Asia.

Conditions for establishing the Khasan tourism cluster

The border region of North Korea, China and Russia lies at the intersection of Russia's Eastern Policy, China's Belt and Road Initiative, North Korea's economic development strategy, South Korea's Northern Policy, and the UN's Greater Tumen Initiative (GTI), making it an ideal location for transnational cooperation with optimal geopolitical and economic conditions.

Although the Khasan area boasts ecological and waterfront tourism resources such as the national safari park (Land of the Leopard), the

largest lotus lake (Lake Ozero Lotus), and Slavyanka Beach, Russia's military-restricted zones have hindered its development.

Balhae, known as the “Haedong Seongguk,” was a transnational state that flourished for 239 years from its founding in 698 in the tri-border area. Since 2018, scholars from South Korea, North Korea and Russia have jointly researched Balhae ruins and planned to develop the ancient Krasikino fortress as a tourism theme park.

After establishing Manchukuo in 1932, the Japanese Empire was defeated in the Battle of Khasan against Soviet forces over 13 days in July-August 1938, and again in the Battle of KhalkhinGol on the China-Mongolia border in May-September 1939. This area is historically significant as the site where the Japanese military was ultimately destroyed by Soviet forces in August 1945.

General Yi Sun-sin of Joseon Korea won the Battle of Nokdundo in 1587 against an invasion by the Jurchens. Korean historians have conducted joint excavation surveys of the Nokdundo ruins with North Korean and Russian experts. Two academic conferences were held in Vladivostok in January 2019, and a joint excavation involving South Korea, North Korea and Russia was planned for March 2020 but postponed due to the COVID-19 pandemic.

In 1863, 13 Korean families first crossed the Tumen River and settled in Southern Ussuri. By around 1882, more than 10,000 Koreans (out of a total population of 90,000) were living in the Russian Far East. This area is famous as a base for the independence movement, including the “Oath of the Finger Cutoff” made by 11 anti-Japanese fighters, including Ahn Jung-geun, near Khasan in February 1909.

Necessity of establishing the Khasan tourism cluster

With the launch of a second Trump administration, Russia could play a leading role in minimizing conflicts in Northeast Asia and strengthening economic cooperation through engagement with the U.S.

The underdeveloped border region of North Korea, China and Russia, burdened by historical traumas and tensions, can reduce security risks and enhance cross-border cooperation if developed into an international tourist destination.

The lack of foreign investment in existing leading development zones is due to Russia’s unilateral designation without considering foreign investment appeal. However, the Khasan region draws

significant interest not only from the three bordering countries but also from South Korea and the UN. It is viewed as the optimal area for tourism development, recognized as an exception to international sanctions on North Korea and Russia.

To realize long-stalled initiatives such as the UN's Tumen River Area Development Programme (TRADP GTI) and the three grand inter-Korean-Russian projects (railroad, gas, electricity), it is essential to improve the regional security environment and embrace the Arctic era of the 21st century.

Most importantly, building an international airport in Khasan would improve regional accessibility, enhance interdependence, and alleviate security risks. Constructing an international airport in Khasan, currently a blind spot in air transport, modeled after Basel Airport in Europe, would integrate air, rail, port and land transport into a combined transport function (Tri-port).

To stimulate air traffic demand, a joint Russia-South Korea project could be pursued, incorporating North Korean labor, Chinese capital investment, and gradual participation by American, Japanese, and Singaporean companies.

If Russia provides the airport site, the estimated construction cost is around \$300 million. South Korea could consider using the remaining unpaid balance of its loan to Russia (approximately \$300 million) to fund the airport.

A rear industrial zone could be developed into a Korean-style Fourth Industrial Complex (so-called “Far Eastern Skolkovo”), commercializing Russian core technologies and creating a belt of historical, cultural, and ecological industries.

Future action plans

Cooperation should expand step-by-step from private organizations to local governments, national governments, and international organizations (UN).

Collaboration by function should begin with non-political sectors (history, culture, tourism) and gradually expand into political and economic areas.

Spatial development should proceed from tourism infrastructure and small area development to industrial rear zone creation and metropolitan area construction.

Problems of economic cooperation between the Republic of Korea and the Russian Federation

Author: Lee Hee Chan, Head of the Moscow office of the Korea Development Bank. E-mail: kdb.moscow@gmail.com

Keywords: Republic of Korea, Russian Federation, humanitarian cooperation, economic cooperation.

For citation: Lee Hee Chan (2025). Problems of economic cooperation between the Republic of Korea and the Russian Federation. In: *Abstracts. International scientific conference "Humanitarian cooperation of the Asia-Pacific countries"* (April 23, 2025). Moscow: ICCA RAS: 46–49. DOI 10.48647/ICCA.2025.59.31.012

I. Background

Since February 2022, South Korea's economic cooperation with Russia has deteriorated for various geopolitical reasons. This has caused significant damage to everyone from large corporations to individual business owners. In particular, there has been significant regression in terms of human rights, even with financial transaction activities of many individuals without fault being restricted.

In terms of the fact that the main causes of serious conflicts in the world today are religion, nationality, territorial and economic disputes, historically, South Korea has had no reason to have major conflicts with Russia, even in terms of power struggles. But since the 19th century, the two countries have maintained a very sensitive relationship due to external geopolitical factors.

But in 2025, we face a crossroads of the most important change of all. This applies not only to Russia, which is nearing the end of the war that has become an international issue, but also to South Korea, which is facing political change.

South Korea has been experiencing significant internal political conflict since December last year. I believe that the presidential election on June 3rd this year will be a pivotal event that will resolve this issue.

Many economic issues around the world are currently adrift, losing focus. At a time when the trade war is centered among the whole world (especially between the United States and China), Russia and South Korea are having difficulty resuming cooperation due to national security and various political reasons. On the other hand, there has been considerable economic cooperation recently between the countries seeking potential business opportunities, especially the BRICS countries. At this crossroads of change, I would like to talk about the necessity of economic cooperation between Russia and South Korea.

II . The necessity of economic cooperation

Economic cooperation between countries is very active when there are few conflicting factors and when each side can use its capabilities and resources reciprocally. This is similar to the principle of increasing economic utility for each country when exchanging goods and services of comparative advantage between countries. The need for future economic cooperation arises because the relationship between Russia and South Korea falls into this category.

Firstly, the two countries have a lot of economic synergy factors. South Korea has few natural resources, the consumer market is narrow (i.e. small population), while Russia has abundant natural resources and a large consumer market (i.e. large population). And Russia needs cost-effective manufacturing technology and interesting cultural content, while Korea has the ability to provide technology and content that will not encroach on Russia's consumer market. For example, the items that South Korea imports the most from Russia are food resources such as pollack and mineral resources such as coal. Even if Russia exports such items to South Korea, it will not have a significant impact on the domestic market. On the other hand, Russia imports automobiles, electronics, trendy cosmetics and processed food products from South Korea. But South Korea has sufficient manufacturing technology and a variety of products, so it can maximize economic profits.

Secondly, the two countries have good geographical accessibility and their border areas have great potential for future development. The Far East region (where Vladivostok is located) borders the Korean Peninsula. Russia has a great need for development in the Far East, and development of the northern region is essential for Korea to maintain security and economic growth. There are high expectations that future logistics and economic flows will take place through the Northern Sea Route, and South Korea's most likely presidential candidate recently pledged to actively encourage South Korea, which has strengths in shipbuilding, shipping, and logistics, to participate in this project. What I learned from meeting with some Russian business executives is that significant foreign investment is needed for the development of the Far East region, and I think that in addition to China and Japan, South Korea can also be a reliable and best partner based on its good image in Russia.

Thirdly, both countries need each other to maximize geopolitical stability. When discussing issues on the Korean Peninsula, Russia can be a very important supporter. Because when we look back at the modern history of Russia and Korea, the emotions of the people of both countries, who experienced invasions by foreign powers and conflicts between compatriots, contain a deep sense of kinship. In addition, South Korea has recently been expanding its external activities and is gaining the ability to expand civilian exchanges for peace-building activities and human rights improvement around the world. If the governments of both countries can make courageous decisions to ensure the stability and happiness of their people while emphasizing regional balance rather than their respective political stances, the two countries can create opportunities to set an example for international cooperation in the future.

Perhaps then, someone might raise the extreme question of whether other countries besides South Korea are suitable as economic cooperation partners for Russia. First of all, I believe that economic cooperation is and should be equally open to all countries. The wider and deeper the scope of economic cooperation, and the more intense the competition, the greater the utility for the people will be. From this perspective, the key point is that South Korea's forward-looking and pragmatic choices could result in a "relatively higher jump" in cooperation than that of other countries.

III. Outlook

In terms of the development issue of Russia's Far East, the Korean Peninsula is a neighboring country that has direct sea access to Russia's Far East. There are no particular sources of conflict, except for the remnants of the unnecessary ideological confrontation of the Cold War. If we focus only on the economic aspects that can improve the welfare of the people, I would like to emphasize that the transportation infrastructure, power plants, urban housing construction, logistics, energy, ports, shipbuilding, and shipping sectors for the development of the Russian Far East are all areas in which South Korea has strengths.

The KDB¹⁵ was established in 1954 and has been contributing greatly to the economic development of the Republic of Korea and the stabilization of the people's lives since the Korean War in 1950, and last year we marked the 70th anniversary of the KDB's founding. KDB still has many domestic and international issues, but it is putting a lot of effort into fostering future industries in particular. The KDB's recent slogan is "The future is not a matter of time, but of direction." Although relations between Russia and South Korea have taken a step back in time, our future demands important direction-reset now. And it is clear to anyone who sees it that the direction is very mutually beneficial and will also help peace and stability in the Northeast Asian region. KDB will also play a big role in expanding and supporting Russia-South Korea business in that direction.

¹⁵ KDB (Korea Development Bank) has grown and evolved along with the Korean economy since established in 1954, supplying long-term capital necessary for the country's industrial development and effectively functioning as a market safeguard in times of crisis.

Политика Японии по гуманитарному сотрудничеству в АТР

Автор: Кавато Акио, бывший советник-посланник в Посольстве Японии в РФ, обозреватель в журнале “Newsweek Japan”. E-mail: office@akiokawato.com

Ключевые слова: АСЕАН, Китай, Республика Корея, Япония, гуманитарное сотрудничество, история.

Для цитирования: Кавато А. Политика Японии по гуманитарному сотрудничеству в АТР // Гуманитарное сотрудничество стран АТР. Международная научная конференция. Москва, 23 апреля 2025 г. : тезисы докладов. М.: ИКСА РАН, 2025. С. 50–52. DOI 10.48647/ISSA.2025.44.78.013

Как Япония воссоздавала свой имидж после Второй мировой войны (ВМВ)? Прежде всего речь идёт о создании политики soft power в отношении СССР/России и других стран. Формирование имиджа Японии после поражения во Второй мировой войне стало актуальной темой для страны. Для побеждённой страны, которая не может в дальнейшем быть агрессором, проще создать имидж мирного государства. Прекращение войны успокаивает соседей, хотя и способствует появлению определённого пренебрежения к Японии. Чтобы предотвратить такого рода отношение, надо иметь определённую силу в экономической и других сферах. Япония имела такие возможности, прежде всего в области экономики.

Для создания хорошего имиджа экономика оказывается важнее таких сфер, как культура, искусство и традиции. После ВМВ встал вопрос о репарациях, однако Япония предлагала более выгодные условия по линии ODA – официальной помощи развитию (Official Development Assistance, ODA), которая осуществлялась в странах Азии (Китай, Республика Корея, страны АСЕАН) и состояла из двух видов: 1) крупномасштабные льготные кредиты для

строительства инфраструктур (дороги, морские порты и др.); 2) прямое участие специалистов (обучение чиновников, учителей, инженеров и пр. как в Японии, так и на местах в других странах). Отметим, что для создания позитивного имиджа вовлечение профессионалов может быть важнее денежного фактора. Для образовательных целей было создано Японское агентство международного сотрудничества (Japan International Cooperation Agency, JICA). Особая роль отводилась прямым инвестициям, которые находятся в компетенции частных организаций.

Несмотря на сложную ситуацию с Республикой Корея, с которой японское государство непосредственно не воевало, но её подчинённое положение сформировала глубокую неприязнь со стороны корейцев, Япония оказала ей существенную помощь по линии ODA и прямых инвестиций. Однако историческая неприязнь остаётся и порой выходит на первый план. При этом уже в настоящее время взаимопроникновение поп-культур и взаимный туризм создают *естественную симпатию* между народами двух стран. Правительства играют только опосредованную роль в этом.

После Республики Корея Япония стала работать с Китаем, предоставив вместо репараций значимую помощь по линии ODA. Однако эта финансовая помощь не сильно улучшила японский имидж в Китае, поскольку китайское правительство эту помощь не пропагандировало. В результате большинство китайцев не знало, что помощь поступила из Японии. При этом китайцы традиционно ценят прагматизм, и их восприятие Японии всегда определялось не только эмоциями, но и реальными обстоятельствами. В ожидании инвестиций они с симпатией относились к Японии. Многие китайцы нашли работу в японских предприятиях. В последние годы ситуация изменилась благодаря экономическому росту Китая. Так, китайцев стали привлекать японская культура и туризм. Например, в 2019 г. Японию посетило 9,6 млн китайских гостей. Однако если между странами возникает политический конфликт, то многие связи мгновенно обрываются. Такова характерная особенность отношений с Китаем.

Наверное, самые большие успехи в политике Японии относятся к странам АСЕАН, когда решались вопросы с репарациями и по линии ODA. Япония в ряде этих стран не

действовала как оккупант, а скорее выполняла роль освободителя от Европы. Поэтому отношение стран АСЕАН к Японии различается. В любом случае, помощь по линии ОДА и прямые инвестиции Японии дали большой толчок к экономическому развитию стран АСЕАН. При этом японцы тепло относились к этим странам. Этому способствовала и «Доктрина Фукуды» (1977), которая призывала к отказу от эгоизма со стороны японских предприятий в отношении местных рабочих и к заботе о благе местных жителей. В итоге, японские предприятия обеспечивали рабочих более высокими зарплатами, чем местные и другие иностранные предприятия.

Если коснуться «традиционных ценностей», о которых сейчас в контексте противостояния процессам глобализации и влиянию американской культуры много говорят в том числе и в России, то японские традиции не являются официальной догмой современной Японии. После ВМВ в законодательстве страны была упразднена патриархальность как идеология. И хотя патриархальность и авторитарность в Японии де-факто ещё существуют, но они не поощряются. Практика такова, что молодое поколение отказывается от авторитетов. «Power harassment» – модное понятие в современной Японии, которое характеризует отношение молодёжи к советам и наставлениям старших. Как представляется, в экономически обеспеченном обществе уже нет нужды в идеологии для сплочения, однако сегодня актуальны такие традиционные ценности как «ответственность» и «порядочность» – по-японски «ちゃんとしている» (*тян-то ситэ иру*).

Программа искусственного интеллекта Chat GPT на вопрос о русском поэте Ф.И. Тютчеве сгенерировала такое стихотворение про Японию:

*Умом Японию не понять,
Аришном общим не измерить...
У ней особенная стать –
В Японию можно только верить.*

В этих стихах есть свой современный смысл.

Атомные бомбардировки Хиросимы и Нагасаки: проблемы исторической интерпретации Японией и соседними странами

Автор: Кириченко Мария Алексеевна, старший преподаватель, Институт стран Азии и Африки МГУ им. М.В. Ломоносова (Россия). ORCID: 0009-0003-5735-1776. E-mail: aimaria.kirichenko@yandex.ru

Ключевые слова: Япония, Китай, Хиросима, Нагасаки, хибакуса, история, общество.

Для цитирования: Кириченко М.А. Атомные бомбардировки Хиросимы и Нагасаки: проблемы исторической интерпретации Японией и соседними странами // Гуманитарное сотрудничество стран АТР. Международная научная конференция. Москва, 23 апреля 2025 г. : тезисы докладов. М.: ИКСА РАН, 2025. С. 53–56. DOI 10.48647/ICCA.2025.25.35.014

Совсем скоро Россия отметит 80-летие победы в Великой Отечественной войне – подвига, оплаченного кровью и слезами миллионов. За этим последует другая памятная дата – окончание Второй мировой войны. Но в этом же году человечество вспомнит и 80-летие атомных бомбардировок Хиросимы и Нагасаки, осуществлённых США 6 и 9 августа 1945 г., – чудовищной коллективной трагедии, оставившей глубокий шрам в истории Японии и потрясшей весь мир.

В данном докладе мы исследуем:

- Как воспринимаются трагические события Хиросимы и Нагасаки в самой Японии и соседних странах – в России, Китае, Корее.
- Как менялись их официальные трактовки и общественные настроения.
- Какое влияние эти интерпретации оказывают на современные отношения Японии с её соседями.

Этот анализ позволит понять, как память о прошлом формирует настоящее и будущее международного диалога.

Для Японии тема атомных бомбардировок остаётся глубоко внутренней, табуированной, почти сакральной. По известным причинам здесь не встретишь громких обвинений – лишь тихая скорбь и память, передаваемая из поколения в поколение. Мастерски сочетая национальные традиции и стратегию «мягкой силы», японцы стремятся выразить свою позицию через:

- культурные объекты и общественные организации (Мемориальные музеи мира, Медиацентр «Мирная Хиросима, Общество защиты японских детей (от атомной бомбы)),

- традиционные ритуалы *торо-нагаси* (плавающие фонарики) в Дни памяти бомбардировок,

- информационную поддержку (только за последние 10 лет была издана 41 книга про атомные бомбардировки для самого младшего возраста, работает сайт «Лингва Хиросима», пополняющий сведения о печатных изданиях на данную тему по всему миру на всех языках, газета «Тюгоку симбун», в том числе и её версия для детей, постоянно информирует японцев о положении хибакуса корейского и китайского происхождения),

- появление новых слов – *Хиросима-кан* (ヒロシマ観) – отношение к атомной бомбардировке, *Хиросима-но кокусайка* (ヒロシマの国際化) – интернационализация проблемы атомной бомбардировки.

Россия видит в этих событиях не только японскую, но и общечеловеческую трагедию. В России трагедия Хиросимы и Нагасаки осмысливается через культуру и искусство:

- спектакли (кукольный, детский и юношеский с последующим созданием японской версии);

- перевод книги «Дети Хиросимы» на русский язык, издание 80 книг по данной тематике на русском языке (в том числе детских);

- картина с изображением Садако Сасаки известного художника Александра Осипова, выполненная в технике золотой литографии, побывавшая у памятника девочки в Хиросиме и хранящаяся в главном офисе Общества «Япония – страны Евразии»;

– участие российских организаций (в том числе отделений Общества «Россия – Япония») в акциях памяти.

Китай и Корея – забытые жертвы. В отличие от американских хикакуся (пленных американских солдат, находившихся в момент бомбардировок в непосредственной близости от эпицентров взрывов), которым была оказана поддержка и помощь на самом высшем уровне (эту тему затрагивал даже Барак Обама при посещении Хиросимы в 2016 г.), хикакуся китайского и корейского происхождения находились и продолжают находиться в тени. Хотя, по некоторым статистическим данным, представители этих стран составляют более 20 % погибших.

Китайские рабочие насильственно завозились в Японию начиная с 1942 г. для работы на заводах, рудниках, строительстве железных дорог и т.д., но многим пострадавшим от атомных бомбардировок китайцам не был присвоен статус хикакуся. Жители Хиросимы в 1953 г. переправили в Китай останки нескольких тысяч китайских погибших при атомной бомбардировке, что считается началом послевоенной гражданской дипломатии между Китаем и Японией. В июне 1992 г. жители Хиросимы создали Ассоциацию граждан Хиросимы по содействию обмену с китайскими хикакуся. В 2009 г. был наконец закончен судебный процесс между Нисимацу кэнсэцу и китайцами, которые добились выплат за принудительный труд и отсутствие помощи после бомбардировки.

Северная и Южная Корея: 50 тыс. корейских хикакуся в Хиросиме и 14 тыс. в Нагасаки из тех, кто с 1944 г. принудительно работал на японских военных заводах или был отправлен на службу в ряды японской императорской армии, но после облучения вынуждены были вернуться к себе на родину, так и не получив помощи в Японии (хотя многие из них и получили сертификат хикакуся 2 сентября 1945 г.).

– 9362 корейских хикакуся на данный момент проживают в Южной Корее. Хапчхон – «Южнокорейская Хиросима» – место, где проживает колония хикакуся.

– Общество южнокорейских хикакуся, Корейская ассоциация помощи жертвам атомной бомбардировки (1967 г., ныне Корейская ассоциация жертв атомной бомбардировки). Борьба за помощь и медицинское обслуживание в соответствии с Законом о

поддержке хикакуся – победное решение Верховного суда Осаки в 2002 г.

– Поддержка со стороны простых японцев, роль гражданской дипломатии: строительство в Южной Корее Дома помощи жертвам атомной бомбардировки вместимостью 110 человек (1996 г.), в котором разместились жертвы атомной бомбардировки. Кроме того, открытие Музея атомной бомбардировки площадью более 1600 кв. м (2017 г.).

Война не имеет срока давности. Несмотря на прошедшие 80 лет, боль Хиросимы и Нагасаки остаётся живой, влияя на отношения Японии с соседями, являясь не только событием из прошлого, но и предостережением будущему. Несмотря на разный статус, в котором страны вышли из Второй мировой войны, проблема атомных бомбардировок Хиросимы и Нагасаки продолжает волновать не только Японию, но и рассмотренные соседние с ней страны. Гражданская дипломатия является важным механизмом, позволяющим разрешать многие вопросы в отношениях, с которыми не в состоянии справиться большая политика. Тема влияния атомных бомбардировок на отношения между Японией и странами-соседями ещё ждёт разностороннего исследования.

Об особенностях гуманитарного сотрудничества между Россией и Японией на современном этапе

Автор: Казаков Олег Игоревич, начальник Отдела научного мониторинга, Институт Китая и современной Азии РАН. ORCID: 0000-0002-9009-3225. E-mail: kazakov_oleg@mail.ru

Ключевые слова: Япония, Россия, гуманитарное сотрудничество, политика, история.

Для цитирования: Казаков О.И. Об особенностях гуманитарного сотрудничества между Россией и Японией на современном этапе // Гуманитарное сотрудничество стран АТР. Международная научная конференция. Москва, 23 апреля 2025 г. : тезисы докладов. М.: ИКСа РАН, 2025. С. 57–60. DOI 10.48647/ICCA.2025.75.61.015

Гуманитарное сотрудничество между Россией и Японией на современном этапе обусловлено резким ростом двусторонних отношений в период правления Абэ Синдзо в 2012–2020 гг., вынужденным охлаждением российско-японских отношений из-за мировой эпидемии COVID-19 в 2020–2021 гг. и резким охлаждением – фактически до уровня периода холодной войны – политических и экономических контактов после начала Россией на Украине специальной военной операции (СВО) в феврале 2022 г. Тем не менее, гуманитарные связи между Россией и Японией в современных условиях адаптируются и будут продолжаться ввиду необходимости поддерживать контакты на уровне «корней травы» в интересах народов двух стран и ради перспектив будущего восстановления отношений.

В современной истории российско-японских отношений 2016 г. принято рассматривать как начало нового политического этапа сближения России и Японии. В 2016 г. премьер-министр Японии С. Абэ посетил Россию и провёл в Сочи встречу с президентом

России В.В. Путиным. С. Абэ привёз с собой инициативные предложения по развитию всего комплекса двусторонних отношений, которые стали называть «план из восьми пунктов». Российская сторона приняла эти предложения, поскольку они способствовали, в частности, развитию торгово-экономических связей, что было во многом в интересах российского Дальнего Востока. Согласно этому плану обе стороны также согласились развивать гуманитарные связи. А именно, пункт 8 называется «Стремительное расширение двусторонних гуманитарных обменов на различных уровнях» и включает: 1) межуниверситетские обмены, 2) межрегиональные обмены и 3) туристские обмены.

Развитие этого плана привело к реализации крупных межгосударственных гуманитарных мероприятий, прошедших параллельно в двух странах: в 2018–2019 гг. прошёл Перекрёстный год – Год Японии в России и Год России в Японии, который в 2020–2022 гг. плавно перешёл в Год российско-японских межрегиональных и побратимских обменов. В целом по российским и японским оценкам Перекрёстный год прошёл успешно, хотя японской стороной высказывались критические замечания о том, что сближение сторон не привело к подвижкам в решении проблемы мирного договора с выходом на решение территориального вопроса. Однако проведение мероприятий в рамках Года российско-японских межрегиональных и побратимских обменов было затруднено из-за разразившейся в начале 2020 г. эпидемии COVID-19, которая распространилась по всему миру и ударила по всем международным контактам, включая ранее запланированные российско-японские мероприятия, которые либо были отменены, либо проводились с учётом эпидемиологических ограничений как правило в дистанционном режиме.

Другим фактором периода эпидемии COVID-19, непосредственно подорвавшим дальнейшее развитие российско-японских отношений, стал уход с поста премьер-министра Японии С. Абэ, который проявил себя активным политиком, продвигавшим позитивное выстраивание отношений с Россией в интересах двух стран. 28 августа 2020 г. С. Абэ объявил о своей отставке с поста премьер-министра Японии в связи с

ухудшившимся состоянием здоровья. Ему на смену пришли другие премьер-министры – Суга Ёсихидэ (с 16 сентября 2020 г. по 4 октября 2021 г.) и Кисида Фумио (с 4 октября 2021 г. по 1 октября 2024 г), не проявившие личной инициативы дальнейшего развития отношений с Россией. Поэтому двусторонние отношения на политическом уровне оказались «замороженными», что фактически привело к откату во всех сферах взаимного сотрудничества.

24 февраля 2022 г. Россия объявила о начале СВО на Украине, после чего мир раскололся на тех, кто поддерживает Россию, и на тех, кто поддерживает Украину. Токио в лице премьер-министра Японии Ф. Кисиды сделал свой политический выбор в пользу Киева, приняв проукраинскую сторону «Большой семёрки» (G7) и ряда других стран, поддержав многочисленные антироссийские санкции и заняв ярко выраженную антироссийскую позицию на мировой арене. В ответ Москва назвала Японию «недружественным государством» и последовательно вводила антияпонские санкции, включая односторонний отказ от переговоров по мирному договору и закрытие ряда совместных гуманитарных проектов. С приходом 1 октября 2024 г. на должность премьер-министра Японии Исиба Сигэру в двусторонних отношениях существенных изменений не произошло. В итоге 2022–2024 гг. стали периодом стремительного ухудшения российско-японских отношений в области политики и экономики, которые можно оценивать как их деградацию. Пострадало также и гуманитарное сотрудничество, но коллапса именно в этой области пока не произошло.

В настоящее время российско-японские отношения характеризуются отсутствием контактов между лидерами стран, на уровне министров и представителей парламента. Но если говорить о российско-японских отношениях за пределами сфер политики и экономики, то на неофициальном уровне и в России, и в Японии продолжают проводиться мероприятия гуманитарного характера, которые опираются, прежде всего, на японофилов в России и русофилов в Японии. Так, в Японии продолжает проходить ежегодный Фестиваль российской культуры, который стартовал в 2006 г. и пользуется неизменным успехом у граждан страны. Некоммерческие организации продолжают проводить в самой

России свои многочисленные мероприятия, имеющие отношение, прежде всего, к японской культуре. Особую роль в этом играет Общество «Россия–Япония» и его региональные отделения, а также многочисленные клубы и японофилы-энтузиасты, которые инициируют проведение разных культурно-образовательных мероприятий во всех регионах страны.

В целом в обществе и на уровне экспертов существует понимание необходимости поддержания российско-японских отношений в гуманитарной сфере, как это практиковалось в СССР, поскольку российско-украинский конфликт носит временный характер и после его завершения начнутся шаги по восстановлению полноценных отношений между Россией и Японией. Это даёт повод с осторожным оптимизмом смотреть в будущее двусторонних отношений.

Сообщества зарубежных китайцев как инструмент неформального сотрудничества КНР с другими странами: экономический и гуманитарный аспекты

Автор: Афонасьева Алина Владиславовна, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник, Институт Китая и современной Азии РАН. ORCID: 0000-0003-3573-287X. E-mail: alina-afonasyeva@yandex.ru

Ключевые слова: АТР, КНР, зарубежные китайцы, китайская диаспора, гуманитарное сотрудничество, экономическое сотрудничество.

Для цитирования: Афонасьева А.В. Сообщества зарубежных китайцев как инструмент неформального сотрудничества КНР с другими странами: экономический и гуманитарный аспекты // Гуманитарное сотрудничество стран АТР. Международная научная конференция. Москва, 23 апреля 2025 г. : тезисы докладов. М.: ИКСА РАН, 2025. С. 61–64. DOI 10.48647/ICCA.2025.86.49.016

Современная китайская диаспора насчитывает по разным оценкам 50–80 млн человек. Она расселена по всем регионам мира и охватывает почти 89 % стран и 55 % территориальных образований.

Китайская диаспора имеет высокую степень самоорганизации. Численность её сообществ составляет от 537 до 6075 единиц (табл. 1). Сообщества имеют свыше 17 различных профилей деятельности. Наиболее многочисленными из них являются: многопрофильные – 15,3 %, торгово-промышленные – 12,1 %, религиозные сообщества – 9,3 %, и ассоциации выпускников – 9 %.

Таблица 1. Распределение сообществ зарубежных китайцев по странам и регионам мира (по выборочным данным КНР и тайваньской статистики)

	Выборочные данные по ресурсам КНР, 2024		Тайваньская статистика, 2022	
	число	%	число	%
Всего	537	100	6075	100
Азия	181	33,7	1463	24,1
Америка	171	31,8	3775	62,1
Европа	126	23,5	337	5,5
Океания	32	6,0	358	5,9
Африка	27	5,0	142	2,3

Источники: составлено и рассчитано по: Словарь по зарубежным китайцам 1993; Афонасьева А.В. Диаспоральная политика КНР: социально-экономическое направление. М.: ИДВ РАН, 2022. С. 264–268; Сеть сотрудничества организаций зарубежных китайских предпринимателей в рамках «Одного пояса, одного пути». URL: <http://www.chinaqw.com> (дата обращения: 20.05.2024). 中華民國 111 年僑務統計年報 [Статистический ежегодник Китайской Народной Республики по делам эмигрантов – 2022]. 台灣: 僑務委員會, 2022. Рр. 14–15.

Китайская диаспора имеет тесные бизнес-связи с КНР. Об этом говорит высокий процент сообществ зарубежных китайцев, участвующих в китайской инициативе «Пояс и Путь» – 50,7 % (табл. 2).

Таблица 2. Сообщества зарубежных китайцев, участвующие в китайской инициативе «Пояс и Путь» (по выборочным данным КНР) в 2024 г.

Регион/страна	Сообщества, участвующие в «Поясе и Пути»	
	число	%
Азия	127	70,2
Северо-Восточная Азия	5	13,9
Юго-Восточная Азия	89	79,5
Южная Азия	8	100,0
Центральная Азия	8	100,0
Западная Азия (Передняя Азия)	17	100,0

Европа	84	66,7
<i>страны ЕС:</i>	<i>64</i>	<i>70,3</i>
<i>страны, не входящие в ЕС:</i>	<i>20</i>	<i>57,1</i>
Африка	26	96,3
Америка	26	15,2
Северная Америка	15	10,2
Центральная Америка	—	—
Южная Америка	11	50,0
Океания	9	28,1
ВСЕГО:	272	50,7

Источники: составлено и рассчитано по: Афонасьева А.В. Диаспоральная политика КНР: социально-экономическое направление. М.: ИДВ РАН, 2022. С. 264–268; Сеть сотрудничества организаций зарубежных китайских предпринимателей в рамках «Одного пояса, одного пути»]. URL: <http://www.chinaqw.com> (дата обращения: 20.05.2024).

Членами этих сообществ являются как физические, так и юридические лица – предприятия зарубежных китайцев. От КНР они оперативно получают информацию о перспективных проектах государства в рамках «Пояса и Пути». Эта информация также оперативно распространяется между предприятиями-членами. КНР быстро находит надёжного бизнес-партнёра в нужной стране, деловые круги китайской диаспоры получают выгодные заказы, а страна пребывания – готовые объекты. Например, в рамках «Пояса и Пути» зарубежный китайский бизнес участвовал в строительстве инфраструктуры особой экономической зоны Сиануквиль в Камбодже. В 2023 г. зарубежная китайская компания Charoen Pokphand Group приступила к строительству высокоскоростной железной дороги Бангкок – аэропорт У-Тапао в Таиланде.

В декабре 2022 г. Союз китайских предпринимателей г. Лиона (Франция) совместно с Зонай освоения новых и высоких технологий г. Сучжоу (КНР) подписали соглашение об углублении стратегического сотрудничества. Китайская сторона получила проекты и заказы от зарубежных китайских предпринимателей Франции. Это пример обратного сотрудничества: сообщество оперативно получило запрос от деловых кругов китайской диаспоры и нашло им партнёра в КНР.

Крупные корпорации китайской диаспоры выступают посредниками между национальными предприятиями КНР и компаниями других стран. С 2013 г. Yihai Group активно способствует сотрудничеству китайского бизнеса с компаниями Центральной и Восточной Европы в сферах образования, культуры и экономики. Сербия стала ключевым регионом этого сотрудничества, которое охватило все соседние страны.

Сообщества зарубежных китайцев принимают активное участие в развитии гуманитарного сотрудничества КНР с другими странами. Показательным примером является добровольное участие данных сообществ в борьбе с пандемией COVID-19 в виде благотворительной помощи КНР в 2019–2020 гг. и странам своего проживания в 2020–2021 гг.

С конца декабря 2019 г. по февраль 2020 г. сообщества зарубежных китайцев и отдельные представители китайской диаспоры практически во всех странах Северной и Южной Америки, Европы, Азии, Африки, Океании организовали сбор пожертвований, закупку необходимых товаров и их отправку в КНР. Общий объём оказанной Китаю материальной помощи к середине марта 2020 г., по предварительным данным, составил более 287,4 млн долл. США. В тесном сотрудничестве с властями КНР сообществам удалось договориться о специальных авиарейсах крупных и местных авиакомпаний Китая, обеспечить беспрепятственное прохождение грузов через таможню КНР.

С февраля 2020 г. эпидемия стала активно распространяться в мире и пришла непосредственно в страны проживания китайской диаспоры. Сообщества зарубежных китайцев во всех странах Северной и Южной Америки, Европы, Азии, Африки, Океании сплотили китайскую диаспору перед лицом общей угрозы. Их борьба с эпидемией фактически велась на трёх уровнях: 1) «Китай – Диаспора»; 2) «Диаспора – Диаспора»; 3) «Диаспора – Страна пребывания». Зарубежные китайские сообщества закупали противоэпидемические средства в КНР, доставляли их в страны пребывания, передавали в дар местным властям или бесплатно раздавали на улицах населению этих стран. Совокупная помощь диаспоры странам пребывания существенно превысила её помощь Китаю.

Система «побратимского» гуманитарного сотрудничества России и Северо-Западного региона Китая

Автор: *Макеева Светлана Борисовна*, доктор исторических наук, доцент, главный научный сотрудник, Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН. ORCID: 0000-0003-2953-0411. E-mail: msbmag9581@yandex.ru

Ключевые слова: Китай, Россия, гуманитарное сотрудничество, побратимские отношения, наука, образование, туризм, спорт.

Для цитирования: Макеева С.Б. Система «побратимского» гуманитарного сотрудничества России и Северо-Западного региона Китая // Гуманитарное сотрудничество стран АТР. Международная научная конференция. Москва, 23 апреля 2025 г. : тезисы докладов. М.: ИКСА РАН, 2025. С. 65–68. DOI 10.48647/ISSA.2025.79.49.017

Финансирование. Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда № 24-28-00276.

В развитии современного гуманитарного сотрудничества России и Китая играет ведущую роль система «побратимского» взаимодействия. Начиная с 1985 г. с момента восстановления советско-российско-китайских отношений формировались новые пары городов-побратимов и регионов-побратимов между двумя странами. Административно-территориальные единицы Северо-Западного Китая также развивали сотрудничество с различными российскими областями, краями и городами. Гуманитарное «побратимское» сотрудничество включало в себя взаимодействие по линии науки и образования, туризма и спорта. Эти связи способствовали росту доверия между народами двух стран, более глубокому познанию культурных особенностей России и Китая. Особую активность в поддержании гуманитарного сотрудничества

с российской стороны проявляли северо-западная провинция Шэньси, Синьцзян-Уйгурский автономный район, города Сяньян, Вэйнань и Алтай.

Одним из активных российских участников развития системы межрегионального «побратимского» сотрудничества с китайской северо-западной провинцией Шэньси стала Калужская область. На межрегиональном уровне были заключены два соглашения об осуществлении международных и внешнеэкономических связей: соглашение между Правительством Калужской области РФ и Народным Правительством провинции Шэньси КНР о торгово-экономическом и культурном сотрудничестве от 8 августа 2000 г., а также соглашение о сотрудничестве между муниципальным образованием «город Калуга» и китайским северо-западным городом Сяньян от 15 декабря 2000 г. Взаимодействие Калужской области с провинцией Шэньси и городом Сяньян является прекрасным примером того, как сотрудничество на межрегиональном уровне может способствовать развитию образовательного потенциала субъектов двух государств. Ежегодно российские калужские и китайские северо-западные учебные заведения осуществляют обмен студентами в рамках стажировок, проводят разнонаправленные совместные научные исследования.

На долгосрочной основе гуманитарное сотрудничество с Северо-Западным Китаем выстраивает российский Алтайский край. 25 февраля 1999 г. между Администрацией Алтайского края РФ и Народным Правительством Синьцзян-Уйгурского автономного района было заключено соглашение о научно-техническом и культурном сотрудничестве. В рамках данного соглашения регулярно осуществлялись обмены правительственными делегациями, активно развивались гуманитарные связи. Множество туристов из Северо-Западного Китая посещали Алтайский край, и их число за последние несколько лет демонстрирует положительную динамику. Делегации края принимают участие в выставках и форумах на территории КНР, посвящённых развитию связей в сфере туризма. Между регионами осуществляется обмен культурными делегациями. На развитие связей между молодёжными объединениями регионов оказало влияние Синьцзянское общество дружбы с зарубежными странами, при содействии которого алтайские коллективы неоднократно принимали участие в фестивалях на территории

Синьцзян-Уйгурского автономного района. Несколько раз представители Синьцзяна принимали участие в Международном молодёжном форуме «Азиатско-тихоокеанский регион», который проходил на территории Алтайского края. Также имеется опыт межрегионального взаимодействия в области спорта. В сфере образования ведущие вузы Алтайского края активно сотрудничали с синьцзянскими вузами. В Алтайском государственном университете и Алтайском государственном техническом университете реализовывались взаимные с китайскими северо-западными учреждениями образования программы обмена, благодаря которым студенты проходили обучение не только на языковых курсах, но и по направлениям бакалавриата и магистратуры. Также большой вклад в развитие сферы образования между регионами вносит созданный в 2010 г. Совет ректоров вузов Большого Алтая. Во время регулярных заседаний Совета велось обсуждение текущих проблем гуманитарного сотрудничества и механизма его развития, а также предлагались на рассмотрение перспективные проекты. 28 июля 2015 г. делегация города Алтай Синьцзян-Уйгурского автономного района с участием творческого коллектива «Родной Китай», в количестве 21 человека посетила город Новоалтайск. 10 декабря 2015 г. делегация города Алтай КНР прибыла в город Новоалтайск и приняла участие в празднике «Алтайская зимовка», а также изучила работу российских учреждений культуры для обмена опытом.

В поддержании гуманитарного сотрудничества с Северо-Западным Китаем принимает активное участие российский дальневосточный город Комсомольск-на-Амуре, который с 23 мая 2014 г. развивал дружественные связи с городом Вэйнань провинции Шэньси. Высшие учебные заведения Комсомольска-на-Амуре активно налаживали сотрудничество с образовательными учреждениями китайского города Вэйнань, реализовывались двухсторонние связи в научно-исследовательской работе, программы студенческих и преподавательских обменов, программы подготовки аспирантов и магистрантов, учебные и языковые практики. Между Амурским гуманитарно-педагогическим государственным университетом и Вэйнаньским педагогическим университетом осуществлялось сотрудничество

по образовательным, культурным и туристическим направлениям. Так, например, в апреле 2019 г. город Комсомольск-на-Амуре посетила китайская делегация с презентацией туристического, культурного и образовательного потенциала города Вэйнань.

Система гуманитарного «побратимского» сотрудничества России и Северо-Западного Китая, выстроенная за последние десятилетия, сыграла важную роль в углублении взаимопонимания, расширении дружественных связей и взаимовыгодного сотрудничества между двумя дружественными народами.

Сотрудничество Австралии и Китая в сфере науки и образования

Автор: Каткова Евгения Юрьевна, кандидат исторических наук, доцент, Кафедра востоковедения и африканистики, Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы. ORCID: 0000-0002-2855-3163. E-mail: katkova_eyu@pfur.ru

Ключевые слова: Китай, Австралия, гуманитарные отношения, наука, образование, история.

Для цитирования: Каткова Е.Ю. Сотрудничество Австралии и Китая в сфере науки и образования // Гуманитарное сотрудничество стран АТР. Международная научная конференция. Москва, 23 апреля 2025 г. : тезисы докладов. М.: ИКСА РАН, 2025. С. 69–71. DOI 10.48647/ISSA.2025.17.30.018

Значительное ухудшение китайско-австралийских отношений в 2019–2022 гг. нанесло удар не только по политической и экономической сферам, но и по двустороннему сотрудничеству в области науки и образования.

Если рассмотреть подробнее сферу образования, то на рубеже XX и XXI вв. отношения в данной области развивались достаточно динамично. В последней четверти XX в. Австралия сделала упор на развитие международного образования и начала привлекать больше иностранных студентов для обучения в своих вузах. Эти изменения совпали с реформами в Китае, когда государство начало нуждаться в большом количестве специалистов со знанием английского языка: Австралия быстро стала одним из привлекательных направлений для обучения китайцев благодаря своему качеству образования, английскому языку и стоимости обучения, которое было ниже, чем у других англоговорящих стран – Великобритании, США и Канады. В 2002 г. студенты из

Китай стали крупнейшей группой иностранных студентов в Австралии, а в последующие годы количество обучающихся из КНР быстро росло. Пиком стал 2019 г., когда количество китайских студентов достигло 211 тыс. чел. Однако с 2020 г. наметился спад, который сохраняется до сегодняшнего дня. Одной из причин ослабления сотрудничества в этот период стала пандемия COVID-19, однако даже после стабилизации ситуации и увеличения общего числа китайских студентов, обучающихся за рубежом, количество обучающихся в Австралии не вернулось к допандемийному уровню. В 2024 г. в Австралии обучались 150 тыс. китайских студентов. Второй причиной стало ухудшение политических отношений и общий уровень недоверия, который присутствует в китайско-австралийских отношениях с конца 2010-х гг. Большим вызовом для образовательной политики Австралии является возросший патриотизм среди китайских студентов, обучающихся в австралийских вузах, который Канберра связывает с вмешательством КПК в образовательный процесс через студенческие ассоциации, например, Ассоциацию китайских студентов и учёных. Кроме этого, даже без учёта китайских организаций, объединяющих студентов, китайские обучающиеся склонны к слабой интеграции и минимальному общению с сокурсниками-иностранцами, а также получению новостной информации из китайских источников и соцсетей, что приводит к т.н. «геттоизации» китайцев и даже к появлению прецедентов, когда китайские студенты не говорят на английском языке после нескольких лет обучения. Специалисты считают, что данная ситуация оказывает негативное влияние не только на китайско-австралийское образовательное сотрудничество, но и на саму Австралию, т.к., во-первых, международное образование является крупнейшей экспортной группой сферы услуг, и китайские студенты вносят значительный вклад в казну государства. А, во-вторых, обучающиеся из Китая интересуются теми техническими областями, которые являются приоритетом политики Австралии в области НИОКР и в которых не хватает собственных специалистов.

Ещё одной сферой, переживающей в последние годы регресс, является сотрудничество в области науки. Данная сфера динамично развивалась с момента установления дипломатических

отношений между Китаем и Австралией, и за эти 50 лет принесла большие плоды в виде совместных открытий, грантов и статей. Учёные из двух стран пользовались преимуществами, которые давали, с одной стороны, доступ к передовым австралийским технологиям, и, с другой стороны, большое финансирование Китая, который вкладывал значительные средства в развитие НИОКР. Однако вслед за ростом подозрений в шпионаже и ухудшением австралийско-китайских отношений научные связи также стали ослабевать. В 2019 г. австралийским университетам были спущены документы, в которых содержались обязательства по противодействию иностранному вмешательству, в первую очередь, шпионажу и кражи интеллектуальной собственности. После этого у университетов возникли проблемы при найме китайских учёных и сложности при получении совместных грантов. Так, в 2019 г. китайская сторона участвовала в 116 грантах, тогда как в 2023 г. – лишь в 47. Также сократилось сотрудничество с КНР в ряде областей, например, в 2019 г. КНР участвовала в 13 грантах в области инженерии материалов, а в 2023 г. – лишь в одном, совместные проекты в области автоматизации, производства и гражданского строительства вовсе прекратились.

Таким образом, в последние годы в китайско-австралийском сотрудничестве в области образования и науки наметились негативные тенденции, которые начались после ухудшения двусторонних отношений в 2019 г. и сохраняются до сих пор, несмотря на то, что после 2022 г. стороны заметно улучшили ситуацию в области политического и экономического сотрудничества.

Сотрудничество Китая и Новой Зеландии в сфере науки и образования

Автор: Забелла Анастасия Александровна, кандидат исторических наук, доцент, Кафедра теории и истории международных отношений, Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы. ORCID: 0000-0001-7082-5073. E-mail: zabella_aa@pfur.ru

Ключевые слова: Китай, Новая Зеландия, гуманитарные отношения, наука, образование, история.

Для цитирования: Забелла А.А. Сотрудничество Китая и Новой Зеландии в сфере науки и образования // Гуманитарное сотрудничество стран АТР. Международная научная конференция. Москва, 23 апреля 2025 г. : тезисы докладов. М.: ИКСА РАН, 2025. С. 72–74. DOI 10.48647/ISSA.2025.66.45.019

Китай и Новая Зеландия (НЗ) являются традиционными партнёрами в области образования. Китай для НЗ является первым торговым партнёром, первым наиболее значимым партнёром в области образования, вторым наиболее крупным туристическим партнёром.

Говоря о нормативной правовой базе, необходимо выделить Акт по образованию, который был принят правительством Новой Зеландии в 1989 г. Согласно данному акту школы и институты государства получили право принимать иностранных студентов на коммерческой основе. Акт имеет особую актуальность и в настоящее время, так как даёт возможность большому количеству иностранных студентов, в том числе из КНР, обучаться в стране.

Причины заинтересованности китайских студентов в обучении в НЗ, прежде всего, связаны с имиджевой составляющей. Большинство китайских компаний отдают приоритет при выборе сотрудников именно тем, кто получил диплом за рубежом. Ввиду того, что стоимость обучения в учебных заведениях НЗ на порядок

ниже, чем в других англоговорящих странах, становится очевидной заинтересованность в обучении в НЗ. Важным фактором является то, что 8 ключевых университетов НЗ входят в топ в международном рейтинге. 3 % от общего количества высокорейтинговых университетов расположены в НЗ. Безусловно, привлекательным является и то, что НЗ входит в число самых безопасных стран мира. Помимо прочего получение образования в Новой Зеландии даёт возможность получения вида на жительство, особенно талантливым выпускникам.

Причины заинтересованности Новой Зеландии в расширении образовательных программ кроются в следующих факторах: во-первых, образовательные программы являются мощным инструментом её «мягкой силы». Во-вторых, увеличение студенческих контактов между государствами способно заложить важный фундамент для укрепления отношений в долгосрочной перспективе. В-третьих, привлечение иностранных граждан для последующего обучения является важной статьёй дохода Новой Зеландии.

В 2017 г. количество китайских студентов в НЗ достигло 25,5 тыс. чел. Ввиду эпидемии показатели по туризму и образованию просели, однако позже были частично восстановлены. Так, по статистическим данным в 2023 г. количество китайских студентов, получающих высшее образование в НЗ, возросло до 12 тыс. По данным на 2024 г. 35 % от общего количества иностранных студентов, прибывающих для получения высшего образования в НЗ, – это выходцы из КНР.

Приоритетными сферами сотрудничества в области науки по данным на 2023 г. являются: 1) продовольствие; 2) здравоохранение и биомедицина; 3) окружающая среда. На ежегодной основе работает программа в области научных обменов, а также совместная комиссия по науке и технологиям НЗ – КНР.

Ключевыми направлениями сотрудничества в сфере образования между изучаемыми странами являются: 1) обмен между профессорско-преподавательским составом; 2) поддержка и развитие учебных лабораторий для углубления сотрудничества в сфере технологий; 3) признание дипломов о высшем образовании, увеличение количества стипендий, академических обменов; 4) коллективные исследования.

Летом 2024 г. премьер КНР Ли Цян прибыл в Веллингтон, где отметил важность содействия сотрудничеству в области образования, фокусируя внимание на технологической революции и индустриальной трансформации. В ходе встречи премьер обратил внимание на то, что КНР предоставит НЗ 100 международных грантов по изучению китайского языка как иностранного, 1 тыс. мест по программе «Китайский мост» для летнего обучения в Китае, а также 5 тыс. книг на китайском языке в течение следующих пяти лет. Важность данного визита и его нацеленность на развитие сотрудничества в сфере образования предопределена участием во встрече 160 представителей из университетов и профессионального сообщества.

Важно также отметить, что сотрудничество в области образования является крайне актуальным направлением взаимодействия между КНР и НЗ, так как не подвержено влиянию внешних факторов. Здесь речь прежде всего идёт о значительном давлении со стороны традиционных партнёров НЗ – США и Австралии – по вопросу расширения новозеландско-китайского сотрудничества.

Сотрудничество в области образования реализуется в рамках традиционных китайских догм – построения единой судьбы человечества.

«Мастерские Лу Баня» как инструмент «мягкой силы» Китая в образовательной сфере

Автор: *Меньшикова Екатерина Сергеевна*, аспирант, старший преподаватель, Институт стран Азии и Африки МГУ им. М.В. Ломоносова. E-mail: bastet-1997@mail.ru

Ключевые слова: АТР, Китай, Россия, мягкая сила, Мастерские Лу Баня, образование.

Для цитирования: Меньшикова Е.С. «Мастерские Лу Баня» как инструмент «мягкой силы» Китая в образовательной сфере // Гуманитарное сотрудничество стран АТР. Международная научная конференция. Москва, 23 апреля 2025 г. : тезисы докладов. М.: ИКСа РАН, 2025. С. 75–77. DOI 10.48647/ISSA.2025.73.95.020

Большинство стран активно применяет инструменты «мягкой силы» для продвижения своих идей и ценностей. При этом образование является одним из ключевых инструментов «мягкой силы», влияющим на формирование мировоззрения и ценностей в других странах.

В последние десятилетия Китай активно развивает концепцию «мягкой силы», стремясь укрепить своё влияние в международной сфере. Одним из инструментов «мягкой силы» Китая стал новый международный проект «Мастерские Лу Баня», направленный на развитие системы профессионального образования. Проект реализуется с 2016 г. при поддержке Министерства образования КНР. Мастерские основываются на передовых технологиях и навыках, необходимых для индустриального и экономического развития стран, в том числе за счёт увеличения спроса на кадры со средним профессиональным образованием (СПО), специально готовящихся под запросы реального сектора экономики.

«Мастерские Лу Баня» открыты в более чем 25 странах Юго-Восточной Азии, Центральной Азии, Африки и Европы. Например, в Индии, Индонезии, Таиланде, Казахстане, Таджикистане и Узбекистане, Джибути, Эфиопии, Великобритании и др.

В рамках проекта создаются специализированные центры на базе образовательных организаций среднего профессионального и высшего образования технического профиля. В этих центрах осуществляется подготовка квалифицированных специалистов с формированием необходимых профессиональных компетенций по китайским образовательным стандартам и технологиям.

Вместе с тем программа «Мастерских Лу Баня» направлена на популяризацию китайских традиционных технологий и инноваций. В контексте «мягкой силы» Пекин посредством создания «Мастерских Лу Баня» продвигает китайские культурные ценности и традиции через образовательные и профессиональные стандарты, разработанные Китаем.

«Мастерские Лу Баня» могут оказывать значительное влияние на образовательные и технологические стандарты в странах их присутствия. Например, это может проявляться в изменении содержания образовательных программ с учётом китайской специфики. Внедрение китайских технологий (искусственный интеллект, робототехника) может как обновить инфраструктуру (материально-техническую базу) и повысить уровень технологического развития в странах, так и привести к зависимости от данных технологий, что может поставить под вопрос независимость и безопасность в сфере технологий. Кроме того, данная модель может создать условия, при которых усиление влияния китайских технологий будет способствовать созданию новых вызовов для местных предприятий и региональных экономик.

С точки зрения «мягкой силы» России, российским инструментом влияния мог бы стать федеральный проект «Профессионалитет», созданный в 2022 г. как часть национального проекта «Образование». Целью программы является гибкая подготовка высококвалифицированных специалистов, соответствующих реальному сектору экономики. В рамках проекта создаются образовательно-производственные центры (кластеры), объединяющие образовательные организации (колледжи, техникумы), региональные органы исполнительной власти и

работодателей. Благодаря такой синхронизации подготовка кадров в системе СПО адаптируется к потребностям рынка труда.

Вместе с тем, оба проекта, «Профессионалитет» и «Мастерские Лу Баня», направлены на повышение качества профессионального образования и привлечение квалифицированных специалистов с возможностью сотрудничества с промышленным сектором экономики и развития инфраструктуры образовательных организаций. Однако «Профессионалитет» направлен только на внутренние потребности России, в то время как проект «Мастерских» имеет международный характер, в рамках которого активно передаются технологические знания и навыки другим странам.

Российская инициатива имеет большие перспективы. Перенимая опыт и методы распространения китайских мастерских, целесообразно экспортировать российский проект на международный рынок, реализуя «мягкую силу» в Азиатско-Тихоокеанском регионе, Центральной Азии и Африке, что привлечёт мотивированную рабочую силу, распространит русский язык и продвинет русские образовательные и производственные стандарты.

Более того, российский проект «Профессионалитет» способен найти баланс между принятием передовых практик и сохранением национальной идентичности и независимости других стран.

Для этого целесообразно определить пилотные страны, в которых создание кластеров будет эффективным; развивать программы двойного диплома и стажировок со странами-партнёрами; установить связи с образовательными организациями и промышленными предприятиями других государств для разработки совместных программ и создания кластеров.

Исходя из этого, комплексный подход позволит вывести программу «Профессионалитет» на международный уровень и обеспечить высокое качество подготовки специалистов, соответствующее международным стандартам.

Позитивный опыт российской инициативы будет способствовать распространению благоприятного имиджа российского образования за рубежом, особенно среднего профессионального образования, что сейчас является актуальным трендом во всём мире.

Исследование практики и влияния гуманитарной помощи Китая и Соединённых Штатов в Азиатско-Тихоокеанском регионе: сравнительный анализ

Автор: Линь Юнь, аспирант кафедры философии, Забайкальский государственный университет. ORCID 0009-0006-3176-9981. E-mail: marf_05@mail.ru

Ключевые слова: АТР, Китай, США, Гуманитарная программа Китая, гуманитарная помощь, стратегия, принципы.

Для цитирования: Линь Ю. Исследование практики и влияния гуманитарной помощи Китая и Соединённых Штатов в Азиатско-Тихоокеанском регионе: сравнительный анализ // Гуманитарное сотрудничество стран АТР. Международная научная конференция. Москва, 23 апреля 2025 г. : тезисы докладов. М.: ИКСА РАН, 2025. С. 78–82. DOI 10.48647/ICCA.2025.37.81.021

Организация и поддержка системы гуманитарной помощи в Азиатско-Тихоокеанском регионе становится для Китая механизмом реализации инициативы «создания сообщества единой судьбы человечества» и стратегий «прагматичного сотрудничества», «совместных консультаций, совместного строительства и общей выгоды» Председателя Си Цзиньпина. Гуманитарная программа Китая ориентирована на оказание помощи странам после стихийных бедствий, помощи слаборазвитым странам АТР. Для Соединённых Штатов гуманитарная помощь направлена на становление демократического управления, гражданского общества, поэтому она в большей степени реализуется за счёт грантов и займов. Китай придерживается единства принципов гуманитарной помощи и устойчивого развития.

Гуманитарная помощь Китая в АТР придерживается основных инициатив и стратегий Председателя Си Цзиньпина — «создания сообщества единой судьбы человечества», «прагматичного сотрудничества», «совместных консультаций, совместного строительства и общей выгоды», которые направлены на совершенствование механизмов международного сотрудничества. Их реализация следует принципам не вмешиваться во внутренние дела других стран, не навязывать им политические условия, а стремиться посредством оказания помощи повысить потенциал самостоятельного развития стран-получателей. Так например, примеры гуманитарной помощи Китая в АТР (проект строительства жилья на железной дороге Китай–Лаос, план «200 колодцев» в Руанде) показывают реализацию принципа «люди прежде всего».

Согласно «Докладу о практике международного сотрудничества Китая в целях развития за 2023 год», Китай реализовал множество «маленьких, но прекрасных» проектов в Азиатско-Тихоокеанском регионе, способствующих сокращению бедности, подъёму сельского хозяйства и здравоохранения, демонстрируя, тем самым, характеристики быстрого, упорядоченного, эффективного и устойчивого развития [叶倩倩, 庄佩芬, 张倩, 等. 2024, 6].

Гуманитарная помощь Китая в основном фокусируется на инфраструктуре, здравоохранении, продовольственной безопасности, что представляет собой реагирование на стихийные бедствия. Участвуя в программах помощи малоразвитым странам, Китай создал комплексную систему, охватывающую финансовые средства, материалы, технологии, обучение кадров и восстановление инфраструктуры. Направления гуманитарной помощи позволили сформировать систему, включающую различные подходы (бесвозмездная помощь, льготные кредиты, техническое сотрудничество, спасательные группы и т.п.), результативность которых была подтверждена во время пандемии COVID-19. Китай пожертвовал 2,2 млрд доз вакцин странам АТР, используя для этого многосторонние платформы, в том числе и ООН [刘诗琪, 2019, 23].

В «Докладе о развитии Китая и международного сообщества за 2023–2024 годы» Китай предложил стратегический план по укреплению международного многостороннего сотрудничества и

содействия глубокой интеграции гуманитарной помощи в целях её развития и решения сложных проблем, таких как изменение климата и продовольственные кризисы. Стратегический план должен содействовать стабильности и процветанию АТР. Анализ результативности и перспектив гуманитарной помощи позволил Китаю предложить модель помощи полного цикла, охватывающую предотвращение стихийных бедствий, смягчение их последствий и восстановление после них, чтобы повысить долгосрочную устойчивость стран-получателей.

Формируя стратегию гуманитарной помощи в АТР Соединённые Штаты, в свою очередь, руководствуются демократическими ценностями и стратегическими интересами. Поэтому неслучайно, что их проекты часто связаны с политическими реформами и процессами демократизации, которые сопровождаются условиями прозрачного управления, защиты прав человека, демонстрируя характеристики «руководства режима». Так, например, «Индо-Тихоокеанская стратегия» была направлена на усиление военной и экономической поддержки стран Юго-Восточной Азии, что должно было уравновесить в этом регионе влияние Китая.

Соединённые Штаты уделяют особое внимание таким направлениям помощи, как демократическое управление, развитие гражданского общества и сотрудничество в сфере военной безопасности, причём основными формами являются гранты и займы, при этом значительная доля приходится на военную помощь. Например, помощь Филиппинам охватывает сотрудничество в борьбе с терроризмом и финансирование неправительственных организаций [马万华,张慧睿, 2019, 73].

Последние годы выявили различия в подходах КНР и США к оказанию чрезвычайной помощи, которые можно рассмотреть в четырёх аспектах: стратегическая ориентация, руководящие принципы реализации, многостороннее сотрудничество и международное реагирование. Китай расширяет свою гуманитарную помощь, основываясь на концепции «сообщества с единым будущим человечества», делая упор на равноправное и взаимовыгодное партнёрство, а не на традиционную модель предоставления и получения помощи. Китай придерживается принципа невмешательства во внутренние дела и избегает

навязывания политических условий, что фактически снимает дилемму «политизации помощи», свойственную Западу, повышая тем самым доверие к себе стран-получателей, особенно в сотрудничестве со странами АСЕАН. Включение в гуманитарную повестку «права на развитие» в системе с принципом «сокращение стихийных бедствий и сокращение бедности» в сотрудничестве Ланьцзян–Меконг, позволило достичь глубокой интеграции гуманитарной помощи и устойчивого развития. В ответ на гуманитарный кризис, вызванный изменением климата, Китай выдвинул инициативу «Голубой Тихий океан», включив повышение устойчивости к изменению климата в стандарты помощи, и взял на себя ведущую роль в разработке соответствующих хартий регионального сотрудничества [李小瑞, 2012, 52].

При всех положительных моментах Китай сталкивается в процессе оказания гуманитарной помощи со многими проблемами, которые зависят от финансового распределения, от правовой и нормативной базы принимающих сторон, от несогласованности в работе неправительственных организаций. Поэтому рекомендуется усилить институционализацию многосторонних механизмов, содействовать заключению стандартизированных соглашений и унифицировать такие процессы, как таможенное оформление материалов и взаимное признание квалификации медицинских бригад. Благодаря решению этих и других проблем Китай продолжит играть активную роль в сфере гуманитарной помощи, что позволит ему решать гуманитарные проблемы в АТР.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- 叶倩倩, 庄佩芬, 张倩, 等 [Е Цяньцзянь, Чжуан Пэйфэн, Чжан Цянь и др.]. 中国对外援助对发展中国家减贫效应的影响 [Влияние иностранной помощи Китая на сокращение бедности в развивающихся стран] [J] 福州大学学报 (哲学社会科学版), 2024, 38(5): 53–62.
- 李小瑞 [Ли Сяожуй]. 中国对外人道主义援助的特点和问题 [Особенности и проблемы иностранной гуманитарной помощи Китая] [J] 现代国际关系, 2012(2): 48–54.
- 刘诗琪 [Лю Шици]. “一带一路”倡议下的中国对外人道主义援助 [Гуманитарная помощь Китая зарубежным странам в рамках инициативы «Один пояс, один путь»] [J] 现代管理科学, 2019(8): 23–25.

马万华,张慧睿 [Ma Ваньхуа, Чжан Хуэйруй]. 参与对外援助:美国研究型大学国际化的重要战略选择 [Участие в иностранной помощи: важный стратегический выбор для интернационализации американских исследовательских университетов] [J] 河北师范大学学报(教育科学版), 2019, 21(1): 67-73.

О развитии международного туризма в рамках проекта «Великий чайный путь»

Автор: Алексахина Светлана Никифоровна, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Центр изучения современного Китая, Институт востоковедения РАН. ORCID: 0009-0009-2537-9866. E-mail: s.aleksahina@ivran.ru

Ключевые слова: АТР, Китай, Россия, БРИКС, Великий чайный путь, туризм.

Для цитирования: Алексахина С.Н. О развитии международного туризма в рамках проекта «Великий чайный путь» // Гуманитарное сотрудничество стран АТР. Международная научная конференция. Москва, 23 апреля 2025 г. : тезисы докладов. М.: ИКСА РАН, 2025. С. 83–85. DOI 10.48647/ISSA.2025.67.65.022

Об идее возрождения Великого чайного пути в Китае и России заговорили несколько лет назад. 23 марта 2013 г., находясь в России с государственным визитом, председатель КНР Си Цзиньпин выступил в МГИМО с речью о «Великом чайном пути».

Идея, озвученная Си Цзиньпином, привела к созданию международного союза городов «Великого чайного пути». 6 сентября 2013 г. в городе Эрлянь-Хото (автономный район Внутренняя Монголия, Северный Китай) мэры 15 городов Китая, Монголии и России подписали совместную декларацию о создании международного союза городов, участвующих в этом проекте. С китайской стороны вошли города китайских провинций Фуцзянь, Цзянси, Хунань, Хубэй, Хэнань, Шаньси, Хэбэй и автономного района Внутренняя Монголия; со стороны Монголии два города – Дзамын-Уд и Улан-Батор; со стороны России – города, расположенные по линии от Улан-Удэ до Ирбита Свердловской области.

На саммите БРИКС, состоявшемся 9 июля 2015 г. в Уфе, на трёхстороннем совещании руководителей России, Китая, Монголии был рассмотрен вопрос о развитии международного туризма в рамках проекта «Великий чайный путь». Интерес к проекту проявили федеральные министерства, межрегиональная Ассоциация «Сибирское Соглашение», правительства Иркутской области, Забайкальского края и Республики Бурятия. Международный проект был включён в план мероприятий по реализации стратегии развития туризма в России на период до 2020 г.

Первый туристический поезд международного маршрута «Великий чайный путь» побывал в Иркутске в августе 2015 г. Железнодорожный тур Маньчжурия – Чита – Улан-Удэ – Иркутск – Маньчжурия принял 270 первых туристов из Китая. Первый международный туристический поезд, запущенный в 2015 г., соединил три страны и 17 городов. Тур, получивший название «Великий Чайный путь», является совместным проектом, организованным при участии АО «ФПК» (дочернее общество ОАО «РЖД»), компании «РЖД Тур», правительств Забайкальского края, Республики Бурятия и Иркутской области при поддержке Федерального агентства по туризму.

10 октября 2023 г. в китайском городе Ухань на седьмом совещании руководителей туристических администраций России, Китая и Монголии обсуждалась реализация трансграничного туристского маршрута «Великий чайный путь». По итогам встречи было подписано соглашение о развитии туристического маршрута, созданного в XVIII веке для экспорта чая. География маршрута повторяет торговый путь из Китая через Монголию, Сибирь, Урал и Поволжье в Москву и Санкт-Петербург.

30 октября 2024 г. в Улан-Удэ на восьмом совещании руководителей туристических ведомств трёх стран – России, Китая и Монголии, было достигнуто соглашение о создании единого бренда международного туристического маршрута «Великий чайный путь», который пройдёт по историческому торговому пути XVIII в. Подписанный документ включает в себя разработку единого брендингования туристического маршрута «Великий чайный путь», создание путеводителей и других турпродуктов для путешественников со всего мира. В разработке концепции маршрута участвовали более 30 представителей бизнеса

из регионов России, Китая и Монголии в рамках бизнес-диалога на полях совещания. Следующее, девятое совещание руководителей туристических ведомств России, Китая и Монголии запланировано на 2025 г. в Монголии.

Инициатива имеет стратегическое значение для интеграции транспортных коридоров Евразийского экономического союза, монгольской программы «Степной путь» и китайской инициативы «Пояс и путь».

В рамках этой инициативы в России и Китае были проведены выставки и конференции, связанные с проектом «Великого чайного пути». В октябре 2015 г. в Москве прошла «Презентация чайного хозяйства» и приглашение гостей на китайскую Международную чайную ярмарку-2015. Мероприятие было организовано по инициативе ведущих китайских компаний-производителей чая из провинции Хубэй.

24 декабря 2018 г. во Всероссийском музее декоративно-прикладного и народного искусства тогдашний Председатель Государственной Думы Сергей Нарышкин принял участие в торжественном открытии выставки «Великий чайный путь в истории российского предпринимательства». Являясь совместным проектом «Деловой России» и Российского исторического общества, выставка рассказывает о традиции русского чаепития и о предпринимателях, благодаря которым чай стал поистине русским напитком.

В самом Китае в эти годы также проходили различные конференции и выставки, связанные с развитием чайной индустрии. В октябре 2019 г. в древнем городке Янлундун провинции Хубэй состоялся международный форум по развитию чайной индустрии, куда съехались свыше 1200 отечественных и зарубежных участников, представителей научных и деловых кругов из 28 стран и районов, в том числе России, Малайзии и Японии. Форум проходил под девизом «Интегрировать чай в инициативу “Пояс и путь”, чтобы китайский чай полюбили во всём мире».

Возрождение Великого чайного пути является важным шагом в укреплении сотрудничества между странами. Этот проект не только способствует развитию международного туризма, но и сохраняет историческое наследие, связывающее народы и цивилизации.

Русский язык как инструмент мягкой силы РФ в КНР

Автор: Гараева Эльнура Магамедовна, студентка, Самарский национальный исследовательский университет им. академика С.П. Королёва. E-mail: Nur-1502@mail.ru

Ключевые слова: КНР, Россия, гуманитарные отношения, мягкая сила, русский язык.

Для цитирования: Гараева Э.М. Русский язык как инструмент мягкой силы РФ в КНР // Гуманитарное сотрудничество стран АТР. Международная научная конференция. Москва, 23 апреля 2025 г. : тезисы докладов. М.: ИКСА РАН, 2025. С. 86–89. DOI 10.48647/ISSA.2025.49.40.023

Актуальность темы исследования обусловлена тем, что Россия стремится развивать своё влияние в мире посредством мягкой силы, а также улучшать гуманитарное сотрудничество. Мягкая сила, в свою очередь, это влияние, которое государство может оказывать посредством не грубых инструментов – санкций или военных вмешательств, а через перцептивные механизмы и эмпатию, развитие интереса и любви к стране, улучшение репутации, которая в свою очередь ведёт к лояльности со стороны других стран и их населения.

Русский язык, как один из языков международного общения и официальных языков ООН является важным инструментом повышения популярности и интереса к России. Русский язык может стать проводником для укрепления международных связей, гуманитарных связей и выстраивания позитивного образа России в международной среде.

Китай является важным партнёром и добрым соседом для России. В последние годы вопрос изучения русского языка в Китае

становится как никогда важным в свете развития экономических и культурных отношений между двумя странами.

В своём исследовании я решила попробовать разобраться, насколько эффективно используется русский язык как инструмент мягкой силы, а также в том, насколько хорошо он работает в этом качестве в Китае.

Источниками исследования послужили нормативные документы и договоры между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой, концепции РФ по государственной поддержке и продвижению русского языка за рубежом. В рамках исследования были использованы статистические данные об уровне распространения русского языка в Китае. Теоретическую основу работы составили труды таких авторов, как Т.Р. Ван [Ван 2023], Е.В. Дроботушенко [Дроботушенко 2022], В. Ли [Ли 2024], А.А. Маслов [Маслов 2022], коллективная монография «Образование с русскоязычным компонентом за рубежом» [Образование... 2024].

В рамках данного исследования был проведён опрос среди китайцев (45 человек), а также китайцев, которые изучают русский язык (30 человек) на предмет их заинтересованности в изучении русского языка и возможностей изучения русского языка в Китае. Благодаря опросу были получены реальные данные, на основе которых, с привлечением данных других источников, можно рассуждать о распространении русского языка в Китае и эффективности мягкой силы России в Китае.

Методы исследования: анализ, синтез, социологический опрос.

Среди китайцев, не изучающих язык, интерес к изучению русского языка обозначили 95 % опрошенных. Предпочтение по формату изучения было отдано онлайн-курсам и языковым школам (до 88 % опрошенных). Но опрос китайцев, которые уже изучают русский язык, показал, что основной источник знаний – преподавание в университетах, в то время как онлайн образование находилось на втором месте по популярности. Кроме того, среди китайцев, которые не изучают русский язык, обнаружилась слабая осведомлённость о том, какие возможности изучения языка есть непосредственно в их городах.

Также среди китайцев, которые не изучают русский язык, выявилась слабая заинтересованность в посещении культурных мероприятий, связанных с Россией.

Среди китайцев, которые уже изучают русский язык, вовлечённость в культурные мероприятия, посвящённые русской культуре, оказалась значительно выше, что подтверждает, на наш взгляд, значимость языка как инструмента мягкой силы. Можно также предположить, что опрошенные этой группы получают больше информации о проведении различных мероприятий в местах обучения.

При этом среди респондентов обеих групп интерес к культуре России оказался на значительном уровне и превышал 70 %.

В целом, по результатам опроса, интерес к изучению русского языка среди китайцев, которые не изучают русский язык, оказался высоким. Но при этом само отношение к русскому языку от «нейтрального» до «нравится» разделилось почти поровну: 50 % тех, кому нравится, и примерно столько же тех, кто относится к русскому языку безразлично. Поэтому при анализе данных опроса важно учитывать, что китайцы отвечали носителю русского языка и, понимая это, старались давать по возможности приятные ему ответы.

Кроме того, участие в подобном опросе вызывает интерес скорее у людей, у которых в принципе есть желание изучать иностранные языки и получать образование, что тоже повышает процент позитивных ответов. Делая корректировку на обозначенные факторы при получении ответов, можно предположить, что в китайском обществе уровень интереса к русскому языку несколько ниже, чем в моём опросе.

Мы видим, что русский язык пользуется определённой популярностью среди китайского населения. В Китае есть возможность изучения русского языка в рамках университетов и языковых школ, развивается сотрудничество по правительственным и неправительственным каналам. Но русский язык пока не достиг действительно высокого уровня интереса к нему со стороны китайцев. Это является поводом для дальнейшего более глубокого изучения особенностей мотивации китайцев к изучению иностранных языков вообще и русского языка в частности.

Подводя итог, можно сказать, что русский язык как инструмент мягкой силы используется в Китае и имеет здесь потенциал. На данный момент следует говорить о поиске новых механизмов популяризации русского языка в Китае, таких как более активное привлечение носителей русского языка для его преподавания в стране, развитие программ школьного образования, популяризация онлайн образования.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Ван Т.* Роль Институтов Конфуция в распространении китайского языка в Российской Федерации // Международные отношения. 2023. № 4. С. 58–66.
- Дроботушенко Е.В.* Центры русского языка в Китае как проводники политики «мягкой силы» России (из опыта работы Забайкальского государственного университета) // Россия – Китай: развитие регионального сотрудничества в XXI веке: Сб. науч. тр. Чита: Забайкальский государственный университет, 2022. С. 73–78.
- Ли В.* Организационно-педагогические условия реализации академических обменов между китайскими и российскими университетами // Социально-гуманитарные знания. 2024. № 4. С. 18–21.
- Маслов А.А.* Перспективы и возможности выхода российских университетов на китайский образовательный рынок: аналит. записка // Российский совет по международным делам. № 40/2022. URL: <https://russiancouncil.ru/papers/RIAC-RuChinaEdu-PolicyBrief40.pdf> (дата обращения: 15.03.2025).
- Образование с русскоязычным компонентом за рубежом: состояние и возможности для развития: коллективная монография / под ред. А.В. Коротышева, Н.В. Бруновой, Ю.А. Горячева, Е.А. Омельченко, А.А. Шевцовой. [Авт. колл.: Ю.А. Горячев, В.Ф. Захаров, М.А. Кривенькая, А.Ю. Орлова, А.А. Шевцова, Е.О. Хабенская, Ю.Ю. Юренко, О.Н. Яшина]. – М. : Этносфера, 2024. – 636 с.

Образовательное сотрудничество в АТР и формирование межкультурной компетентности

Авторы: Куриленко Ирина Адольфовна, кандидат психологических наук, директор, Институт Управления Ресурсностью. E-mail: Irina.kurilenko@resursnost.ru; Эльц Елена Эдуардовна, кандидат исторических наук, доцент кафедры международных гуманитарных связей, Санкт-Петербургский государственный университет. ORCID: 0000-0003-0919-8191. E-mail: elenaelts@mail.ru

Ключевые слова: АТР, АТЭС, Россия, интеграция, сотрудничество, образование.

Для цитирования: Куриленко И.А., Эльц Е.Э. Образовательное сотрудничество в АТР и формирование межкультурной компетентности // Гуманитарное сотрудничество стран АТР. Международная научная конференция. Москва, 23 апреля 2025 г. : тезисы докладов. М.: ИКСа РАН, 2025. С. 90–93. DOI 10.48647/ICCA.2025.72.43.024

Образование – это важнейшая составляющая человеческого капитала и ключевой фактор экономического развития современного общества. Азиатско-Тихоокеанский регион характеризуется разнообразием систем высшего образования и стремлением сохранить их уникальные национальные особенности. Наиболее оптимальными для образовательного сотрудничества в АТР признаны механизмы «разноскоростной интеграции» и неиерархичные сетевые структуры сотрудничества¹⁶.

Образовательная сеть АТЭС считается одним из центральных направлений деятельности Рабочей группы АТЭС по развитию человеческих ресурсов. Она разработала стратегию в области образования и реализовала многие проекты, в том числе по

¹⁶ Russia's Interests in the Context of Asia-Pacific Region Security and Development. Report. Moscow: Izdatelstvo Prospekt, 2012. 32 p.

развитию академической мобильности и трансграничного образования. Важными ориентирами для сотрудничества являются высокое качество образования, открытые и прозрачные образовательные системы, рамки квалификаций, политика признания документов об образовании, экономический рост и связь с рынком труда¹⁷.

Продвижение трансграничного образования и академической мобильности признаётся важной составляющей приоритетных действий по улучшению и актуализации компетенций. Немаловажную роль играет развитие культурных и языковых компетенций. Вопрос подготовки компетентных работников для глобализирующегося рынка, представляет важную роль для приоритетных действий: улучшение занятости и развитие компетенций XXI века (в том числе культурных) и предполагает укрепление партнёрства образовательных организаций и бизнеса¹⁸.

Одной из ведущих форм интернационализации высшего образования в России является обучение иностранных студентов, среди учащихся из Азии традиционно доминируют студенты из КНР. Наблюдается рост интереса к российскому образованию в странах АСЕАН. Продвижение информации о российской системе высшего образования и русского языка в странах АТР, укрепление университетских партнёрств имеют важнейшее значение для интеграционных процессов. Недавней мерой поддержки экспорта российского образования стало введение законодательных мер, позволяющих иностранным студентам в свободное от учёбы время устраиваться на работу в упрощённом порядке. Трудоустройство признаётся одним из способов сформировать опыт работы в иностранном коллективе и развивать «мягкие навыки» – soft skills.

На наш взгляд, недостаточное внимание уделяется культурной адаптации иностранных студентов. Показатели высокого уровня адаптации – умение выстраивать диалоговое взаимодействие, доверительное речевое общение, лучшая академическая успеваемость. Изучение языка, безусловно, имеет важнейшее значение, ведь овладение языком – это ключ к эффективному

¹⁷ Educational Network. URL: <https://www.apec.org/ednet> (accessed: 03.04.2025).

¹⁸ APEC Educational Strategy. URL: <https://www.apec.org/docs/default-source/Satellite/EDNET/Resources/APEC-Education-Strategy.pdf>

общению. Но преодоление языкового барьера недостаточно для обмена информацией между представителями разных культур: также должны быть преодолены и культурные барьеры. Участникам коммуникационного процесса необходимо не только знакомиться с языком речевого партнёра, но и с инокультурными правилами и нормами повседневной культуры.

Результаты интервьюирования китайских студентов, обучающихся в разных странах, показали, что культурной адаптации способствуют мероприятия, организуемые часто при поддержке образовательных организаций, такие как, например, посещение музеев, художественных выставок и галерей, театров, фестивалей. При этом стремление сохранить свою культурную идентичность побуждает студентов-иностранцев искать соприкосновение с собственной культурой – посещать китайские рестораны вместе со своими одноклассниками, готовить блюда китайской кухни, представлять свою культуру на фестивалях. Нередки ситуации, в которых культурные различия способны провоцировать конфликт. Так, например, китайские студенты, обучающиеся в США, отмечали, что недопонимание вызывали привычки американских студентов громко выражать свои эмоции, указывать на ошибки старших, опаздывать, в то время как китайская культура ценит сдержанность и самоконтроль, иерархию и уважение к старшим, пунктуальность.

Кафедра международных гуманитарных связей Санкт-Петербургского государственного университета совместно с представителями бизнес-среды – сотрудниками, тренерами Института Управления Ресурсностью (Санкт-Петербург) – разработала кейс или модель по развитию у иностранных студентов необходимых качеств и опыта межкультурного общения. Институт Управления Ресурсностью имеет опыт проведения кросс-культурных тренингов сотрудников и руководителей компаний, моделирует эффективное кросс-культурное взаимодействие в управлении, опираясь на разработанную теоретическую базу. В рамках совместной работы со студентами Институт Управления Ресурсности стремится развивать кросс-культурный интеллект студентов.

В рамках аналитической практики, после серии ознакомительных встреч, на которых были представлены

результаты практического и теоретического опыта Института Управления Ресурсности по моделированию эффективного кросс-культурного взаимодействия, студентам было предложено задание. Группе студентов магистрантов программы «Международные гуманитарные связи», среди которых находились представители стран АТР, было предложено задание выявить основные причины проблемной коммуникации в мультикультурной среде, понять, какие типы барьеров делают коммуникацию сложной, какие стратегии преодоления проблем можно предложить для ознакомления студенту, отправляющемуся учиться в другую страну. Проведённые иностранными студентами интервью с учащимися из разных стран, уехавшими учиться за границу, помогли собрать ценный материал, который в дальнейшем можно использовать для разработки программы адаптации к незнакомой культуре [Куриленко 2024].

Как результат обработки полученных данных, появился Check-list «Коммуникативные навыки, необходимые в кросс-культурной среде», который можно использовать в практической работе со студентами, имеющими сложности кросс-культурной адаптации. Студенты – участники практики – проявили творческие способности и проактивное поведение, в результате которого 10 описанных ситуаций положили начало созданию Культурного ассимилятора – тренажёра сензитивности к особенностям других культур. Этот инструмент не только поможет знакомству с другими культурами, но и послужит развитию кросс-культурного интеллекта студентов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Куриленко И.А. Ресурсный коммуникатор в кросс-культурной среде // Межкультурный диалог в современном мире : Материалы XII конференции с международным участием, Санкт-Петербург, 27 марта 2024 года. Санкт-Петербург: ООО «Скифия-принт», 2024.

Система гуманитарного сотрудничества Республики Корея

Автор: Ким Ен Ун, кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник, Институт Китая и современной Азии РАН. ORCID: 0000-0002-8449-7135. E-mail: kim@iccaras.ru

Ключевые слова: АТР, Республика Корея, гуманитарное сотрудничество, гуманитарная помощь, фонды, история.

Для цитирования: Ким Е.У. Система гуманитарного сотрудничества Республики Корея // Гуманитарное сотрудничество стран АТР. Международная научная конференция. Москва, 23 апреля 2025 г. : тезисы докладов. М.: ИКСА РАН, 2025. С. 94–97. DOI 10.48647/ICCA.2025.42.95.025

Республика Корея уделяет большое внимание гуманитарному сотрудничеству с другими странами. Для этой цели она создала целую систему такой работы. В своё время она взяла на себя ответственность за выполнение работы, которая ранее принадлежала запущенной по инициативе президента США Дж. Ф. Кеннеди программе под названием Корпус мира. По примеру США Республика Корея стала направлять в различные развивающиеся страны добровольцев для оказания образовательных и санитарно-гигиенических услуг местному населению.

В 1991 г. были учреждены сразу две крупные организации, финансируемые государством. Одна из них называется «Корейский фонд международных обменов», сокращённо «Корейский фонд» (Korean Fund – KF). Это структура при МИД РК.

На сегодняшний день KF на свои средства учредил 156 профессорских должностей в 99 университетах 18 стран, поддержал 764 корейских исследования в аналитических центрах в 43 странах, создал корейские галереи в 28 ведущих мировых музеях 10 стран и пригласил более 12 000 специалистов для

повышения уровня понимания Кореи. В России каждый год выделяется несколько стипендий для учёбы в магистратуре и в докторантуре ведущих вузов Республики Корея. Также каждый год осуществляется направление группы молодых корееведов для знакомства со страной, кратковременной стажировки, где для них организуются выступления ведущих политологов, дискуссии по международным проблемам и по вопросам двусторонних отношений между Россией и РК. Кроме того, в соответствии с Законом о публичной дипломатии, вступившим в силу в августе 2016 г., Корейский фонд действует как единственная «организация по содействию публичной дипломатии» в Республике Корея и ведёт деятельность в области политической публичной дипломатии, публичной дипломатии знаний и культурной публичной дипломатии в зарубежных странах, многие годы активно работает и в России. В частности, Корейский фонд поддержал создание структуры под названием «Университетское корееведение» в России, издаёт журнал, имеет представительство в России, размещённое ныне в здании посольства РК в России, финансирует и оказывает организационную поддержку при проведении научных конференций, круглых столов, выступлений южнокорейских специалистов в вузах России по истории и экономике, а также культуры Республики Корея.

В том же 1991 г. была создана организация под названием Korea International Cooperation Agency (KOICA). Первоначально штаб-квартира организации располагалась в Сеуле. Но в рамках кампании по рассредоточению государственных учреждений в 2018 г. её штаб-квартира была переведена на о. Чечжудо, в г. Согвипхо. Сейчас KOICA также управляет глобальным центром КФ в Сеуле и Культурным центром АСЕАН в Пусане. Кроме того, эта организация располагает офисом Секретариата Форума сотрудничества Корея-Центральная Азия в Сеуле.

Как отмечается, это глобальная организация сотрудничества в целях развития, которая преследует общечеловеческие ценности и национальные интересы сосуществования. Она реализует различные формы проектов сотрудничества в целях развития, чтобы способствовать миру и процветанию международного сообщества. Она постоянно расширяет официальную помощь развитию, делится с международным сообществом уникальным опытом развития Кореи, провозглашает своей задачей исполнение

связующей роли в соединении глобальных Юга и Севера. Здесь представлены самые разнообразные направления, например, проблемы гендерного равенства, образования, культуры, экологии, проблема чистой воды. Почти все руководители этой организации имеют богатый опыт дипломатической работы и служили послами РК в тех регионах, в которых координируют работу соответствующих подразделений в рамках программ КОИСА, а также формирование проектов и их реализацию. В конечном счёте эта работа должна привести к повышению статуса Кореи и доверия к ней в международном сообществе.

Большую роль в гуманитарном сотрудничестве играет также Академия корееведения. Это государственная организация, которая проводит совместные конференции, финансирует кратко- и долгосрочные гранты на развитие корееведения. Так, например, в 2019–2024 гг. в Казанском Федеральном университете под руководством историка Южной Кореи Ко Ен Чоля выполнялась пятилетняя программа под названием «Продвижение корееведения в Татарстане, Центральных и южных регионах России». Эта программа была утверждена Минобрнауки Российской Федерации. В рамках программы ежегодно проводились конференции корееведов обозначенных регионов, издавался журнал, выделялись стипендии для стажировки в вузах Южной Кореи. При этом участниками конференций и стипендиатами становились студенты не только гражданских вузов, но и, например, МВД России.

Большое внимание уделяется обучению корейскому языку. В нескольких городах России созданы образовательные центры РК, направляются также специалисты в области корейского языка для работы в вузах. Они, естественно, обучают по программе изучения корейского языка по методике южнокорейских лингвистов. Возникает довольно сложная проблема, т.к. у нас практически отсутствуют носители северокорейского варианта корейского языка. Известно, что грамматика, фонетика, стилистика корейского языка в Южной Корее составлена на базе сеульского диалекта, а в КНДР – на основе диалекта провинции Южная Пхенан, точнее, г. Пхеньяна. Между тем, за 80 лет раздельного развития обеих частей полуострова, изменились языковой состав, терминология, стилистика, фонетика. В конце 2023 г. в КНДР был принят закон, который утвердил нормой литературного языка сформировавшийся на основе норм

пхеньянского диалекта. Различия есть и иногда существенны, т.к. корейский язык в КНДР больше соответствует традициям корейской речи, а в языке южной части полуострова очень много англицизмов, а также терминов и понятий периода интернета. Известно, что во время встречи двух лидеров Кореи Ким Чен Ира и Ким Дэ Джуна летом 2000 г., как впоследствии говорил Ким Чен Ир, он понимал слова Ким Дэ Джуна только на 85 %. С того времени в языке Южной Кореи произошли очень большие перемены. Нам нужно готовить переводчиков, хорошо владеющих северокорейским вариантом корейского языка. Хорошо было бы, если бы правительство России выделило стипендии для студентов, направляющихся на учёбу в КНДР.

Есть также культурные центры РК в странах АТР – в частности, и в России – и они довольно активно работают. Руководитель культурного центра имеет ранг советника-министра Посольства. Большое внимание уделяется также работе «Центров Сечжона», четвёртого короля государства Чосон, при котором в XIV в. был создан корейский алфавит, считающийся сейчас, в эпоху цифровизации, одним из самых технологичных в мире. В 2008 г. один из бесписьменных народов Индонезии тиа-тия, численностью 70 тысяч человек, проживающий на острове Бутон и прилегающих к нему малых островах, выбрал в качестве своей письменности корейский алфавит. Я недавно интересовался, прижилось ли это увлечение. Оказалось, что вполне. Естественно, Республика Корея за свой счёт издала словари, учебники, учебные пособия, дидактические материалы, оплачивала командировку учителей корейского языка в эту страну.

Особое место в гуманитарных контактах РК с другими странами занимает конституционный орган, который называется Консультативным советом по мирному объединению Кореи. Его председателем по должности является Президент страны. Если кто-то считает, что этот орган занимается исключительно вопросами объединения двух Корей, он глубоко ошибается. Эта организация хорошо финансируется и проводит большую работу по разъяснению политики Республики Корея, как по вопросам внутреннего развития, так и по вопросам внешней политики. В значительном росте количества обучающихся корейскому языку и культуре в России важная роль принадлежит государственной политике РК по гуманитарному сотрудничеству.

Аспекты оказания международной гуманитарной помощи Корейской Народно-Демократической Республике в 2000–2005 гг.

Автор: Шарафетдинова Алина Исмаиловна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт востоковедения РАН. ORCID: 0000-0003-4023-8163. E-mail: Alina.sharafetdinova@yandex.ru

Ключевые слова: АТР, КНДР, ООН, Россия, Красный Крест, гуманитарная помощь, история.

Для цитирования: Шарафетдинова А.И. Аспекты оказания международной гуманитарной помощи Корейской Народно-Демократической Республике в 2000–2005 гг. // Гуманитарное сотрудничество стран АТР. Международная научная конференция. Москва, 23 апреля 2025 г. : тезисы докладов. М.: ИКСА РАН, 2025. С. 98–101. DOI 10.48647/ISSA.2025.67.19.026

В начале 2000-х годов северокорейское руководство пыталось вводить некоторые рыночные механизмы, однако все эти меры осуществлялись в рамках проводимого курса на строительство «социализма с корейской спецификой».

На этом фоне внимание, прикованное тогда к КНДР благодаря её активизированной в 2000 г. внешней политике на ряде направлений, принесло свои плоды. 27 ноября 2001 г. ООН включила КНДР в число 18 стран, которым была необходима гуманитарная помощь. По мнению организации, недостаток продовольствия для государства на тот период составил 1 млн 450 тыс. тонн зерна на сумму 250 млн долл. США¹⁹.

США пытались использовать вопрос предоставления гуманитарной помощи в качестве рычага давления на северокорейское руководство. Японское правительство вплоть до

¹⁹ АВПРФ, ф.102, оп.60, п.131, д.7, Лл. 76–77.

2002 г. регулярно предоставляло продовольственную помощь и медикаменты, а впоследствии под воздействием общественного мнения стало увязывать оказание помощи с возвращением родственников японцев, похищенных в 1970–1980-х гг. северокорейскими спецслужбами²⁰. Россия предоставила по линии ВПП ООН в 2004 г. 34,7 тыс. тонн пшеницы на сумму 10 млн долл. Значительные взносы были сделаны правительствами Финляндии (950 тыс. евро) и Канады (1 млн долл.), а также ЕС (около 5 млн долл. США). В августе 2004 г. правительство Австралии приняло решение о поставке в КНДР помощи на общую сумму 3,2 млн долл. США. Всего на конец августа 2004 г. в КНДР поступило более 100 тыс. тонн гуманитарной помощи²¹.

Помощь РК по каналам Красного Креста составила в 2001 г. – 300 тыс. тонн, 2002 и 2003 гг. – 400 тыс. тонн. Несмотря на неурегулированность ядерной проблемы и вопреки прогнозам, южнокорейское правительство всё же объявило о поставке 400 тыс. тонн риса в КНДР на сумму 270 млн долл., причём 75 % из этой партии продовольствия было закуплено в третьих странах. По просьбе северян большая часть этого продовольствия была предоставлена в кредит под символический процент по каналам двусторонней торговли²². Помимо этого, по каналам ВПП ООН Пхеньян получил от Сеула безвозмездно 100 тыс. тонн кукурузы. Республика Корея также поставляла КНДР большое количество удобрений (на конец июня 2003 г. в КНДР было доставлено 200 тыс. тонн).

Кроме южнокорейского правительства, помощь КНДР оказывали различные неправительственные фонды и организации РК. Например, в мае 2004 г. одна из таких организаций объявила о предстоящих поставках продовольствия на сумму 1 млрд вон (870 тыс. долл.).

Вместе с тем ВПП ООН руководила строительством и работой предприятий по производству детских продуктов питания. Гуманитарная помощь Пхеньяну не ограничивалась одними поставками продовольствия – ВОЗ курировала проблемы по

²⁰ АВПРФ, ф.102, оп.64, п.144, д.8, Лл. 100.

²¹ Там же. Лл. 100–101.

²² Там же. Л. 101–102.

борьбе с различными заболеваниями (малярия, туберкулёз), улучшению инфраструктуры медицинского обслуживания и водоснабжения на территории КНДР. Благодаря усилиям ВОЗ число зарегистрированных случаев заболеваний малярией в КНДР снизилось на 85 %. В марте 2004 г. программа ЮНИСЕФ по реабилитации системы водоснабжения в пяти уездах восточных провинций КНДР с населением 400 тыс. человек получила финансирование из фонда ОПЕК²³. Международный Красный Крест принимал непосредственное участие в оказании помощи северокаорейским регионам, пострадавшим от стихийных бедствий. В июле-августе 2004 г. сотрудники МКК выезжали в пострадавшие от наводнений уезды Ынсан и Пукчан провинции Южная Пхенан, где ими была оказана помощь (распределение наборов посуды, одеял, реагентов для очистки воды) 350 семьям. В связи со взрывом на станции Рёнчхон в апреле 2004 г. различными странами всего было предоставлено помощи на сумму более 5,2 млн долл. ВПП ООН реализовала проект по строительству 1134 квартир на 5,5 тыс. человек. В конце августа 2004 г. в строй было введено 117 жилых трёхэтажных жилых домов, были построены поликлиники.

Одновременно РК выделила около 30 млн долл. в качестве правительственной помощи и 24 млн долл. составила сумма, собранная южнокорейскими общественными организациями и гражданами.

В августе 2004 г. КНДР сделала заявление об отказе на 2005 г. от получения гуманитарной помощи через канал консолидированного призыва ВПП ООН и о переходе к другим формам сотрудничества. Данный шаг северокаорейскими официальными источниками обосновывался тем, что получение КНДР безвозмездной помощи в числе 20 беднейших государств являлось «унижением достоинства» каорейского народа. В то же время северокаорейскими властями было заявлено о заинтересованности в получении помощи от ООН в рамках долгосрочных программ развития и в рамках двусторонних отношений от Китая, России и РК²⁴. Таким образом, в период 2000–2005 гг. КНДР была оказана существенная гуманитарная

²³ Там же. Л. 102.

²⁴ Там же. Л. 103.

помощь в виде продовольствия и другой необходимой поддержки населения со стороны многих стран и международных организаций. Благодаря принятым мерам по оказанию КНДР значимой для неё поддержки стало возможным активизировать внешнеполитический диалог с северокорейскими властями, что в значительной мере способствовало разрядке создавшейся к тому времени конфронтационной ситуации вокруг Корейского полуострова.

Сотрудничество между Вьетнамом и США в культурной области в 2011–2025 гг.

Автор: Нгуен Тхи Нган Занг, аспирант кафедры теории и истории международных отношений, Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы. ORCID: 0009-0009-0629-8112. E-mail: 1042245211@pfur.ru

Ключевые слова: Вьетнам, США, гуманитарные отношения, политика, культура, история.

Для цитирования: Нгуен Т.Н.З. Сотрудничество между Вьетнамом и США в культурной области в 2011–2025 гг. // Гуманитарное сотрудничество стран АТР. Международная научная конференция. Москва, 23 апреля 2025 г. : тезисы докладов. М.: ИКСА РАН, 2025. С. 102–105. DOI 10.48647/ISSA.2025.69.69.027

Отношения между Вьетнамом и США пережили много взлётов и падений, меняли статус от бывших врагов до всеобъемлющих стратегических партнёров в 2023 г. Однако вопрос в том, можно ли после 30 лет установления дипломатических отношений между Вьетнамом и США нейтрализовать ненависть и примирить нации? В период 1995–2011 гг. культурное сотрудничество государств осуществлялось на начальном уровне – путём общения, обмена делегациями и распространения информации. Причина в том, что после нормализации отношений между двумя странами всё ещё существовали подозрения, а также нерешённые проблемы войны, которые требовали от обеих сторон сосредоточения прежде всего на их разрешении. В результате особого внимания культурному сотрудничеству не уделялось. Кроме того, в этот период Вьетнам сосредотачивался на главной цели – экономическом развитии и международной экономической интеграции в связи с неотложными внутренними потребностями. Поэтому обе стороны

первостепенное внимание посвящали экономическому и торговому сотрудничеству. Более того, для развития существенного культурного взаимодействия требовалась правовая основа. Со стороны Вьетнама в 2011 г. на 11-м Съезде Компартии впервые была предложена политика всеобъемлющей международной интеграции. Тогда же были одобрены Стратегия культурного развития и Стратегия культурной дипломатии до 2020 г., в которой культурная дипломатия рассматривается как один из трёх столпов всеобъемлющей дипломатии, служащей реализации внешней политики Вьетнама. В результате развитие отношений с США в сфере культуры стало одним из средств, которое Вьетнам использует для достижения своих внешнеполитических целей. Кроме того, для США 2011 г. стал также моментом начала реализации стратегии «поворота в Азию». Эта стратегия направляла приоритеты внешней политики США на Азиатско-Тихоокеанский регион, где основным конкурентом США является Китай. Укрепление культурного сотрудничества с Вьетнамом, занимающим важное геополитическое положение по соседству с Китаем, соответствует интересам американского государства, желающего расширить своё влияние во Вьетнаме и остановить сближение его с Китаем. Благодаря корректировке восприятия и интересов обеих сторон, 2013 г. ознаменовал важную веху в двусторонних отношениях Вьетнама и США: установление всеобъемлющего партнёрства. В Совместном заявлении 2013 г. культура, спорт и туризм были упомянуты в качестве приоритетов сотрудничества между двумя странами. Политико-дипломатического и экономического взаимодействия в новых рамках партнёрства оказалось недостаточно, чтобы способствовать укреплению взаимного доверия между обеими сторонами. Долгосрочной и устойчивой основой двусторонних отношений по-прежнему должно оставаться культурное сотрудничество. С его помощью обе стороны могут лучше понимать друг друга, составлять взаимоблагоприятное впечатление, сближаться во взглядах и таким образом способствовать взаимному распространению ценностей, идей и влияния. Если между двумя сторонами всё ещё существует ненависть, в частности, по отношению к нынешнему вьетнамскому государству среди некоторых групп вьетнамцев в

США, которые служили правительству бывшей Республики Вьетнам, то культурное сотрудничество играет важную роль в залечивании их ран после войны. Таким образом, в докладе будет изучена роль и высокое значение культурного сотрудничества в двусторонних отношениях Вьетнама и США в период 2011–2025 гг. В докладе также будут изучены интересы двух стран в культурном сотрудничестве, связанные с экономическими и политическими интересам.

В докладе рассмотрены:

1. Факторы, влияющие на культурное сотрудничество Вьетнама и США в период 2011–2025 гг. К таковым относятся: политические рамки и правовая основа культурного сотрудничества, а также интересы обеих стран в двустороннем культурном сотрудничестве. Ещё одним важным фактором является социально-культурный, включающий общественное мнение обеих стран, особенно среди молодёжи, которая продолжит развивать отношения в будущем. Также значительную роль играет вьетнамская община в США. Кроме того, важным фактором является научно-технический, определяющий эффективность культурного сотрудничества в цифровую эпоху, которая требует от обеих сторон идти в ногу со временем и разрабатывать новые и разнообразные формы для привлечения внимания общественности. Финансовые инструменты, которые считаются преимуществом крупных стран, также оказывают влияние на культурное сотрудничество.

2. Достижения, а также вызовы и возможности для культурного сотрудничества Вьетнама и США в период 2011–2025 гг. Вызовы могут быть связаны с неэффективными институтами и различиями в уровне культурного развития обеих стран, с деятельностью некоторых экстремистски настроенных групп вьетнамцев в США, а также с угрозами относительно «мирной эволюции» и «цветных революций». Однако существует и множество возможностей, поскольку обе стороны заинтересованы в культурном сотрудничестве, а роль вьетнамской общины в США в развитии двусторонних отношений постепенно возрастает.

3. Уроки для развития сотрудничества между малыми странами и великими державами на основе анализа

вышеперечисленных достижений, вызовов и возможностей, а также новые особенности культурного сотрудничества в условиях глобализации и стратегического соперничества между США и Китаем.

Приложение

Программа Международной научной конференции «Гуманитарное сотрудничество стран АТР» (Москва, 23 апреля 2025 г.)

ПРОГРАММА

Место проведения: Институт Китая и современной Азии РАН
(зал Учёного совета ИКСА РАН, 4 этаж)

Организатор: Центр научного мониторинга и развития ИКСА
РАН

Утреннее заседание (на англ.). 10:00–12:15

Модератор – Т.Е. Горчакова

Вступительное слово: Горчакова Татьяна Евгеньевна (ИКСА
РАН), к.э.н., заместитель директора по научной работе (5 мин)

Приветствия

- *Варапханни Дамронгмани*, заместитель главы миссии/министра, Посольство Королевства Таиланда в России (5 мин.).
- *Хаяси Наоки*, советник, начальник Информационного отдела/отдела по культуре, Посольство Японии в России (5 мин.).
- *Чо Сун Кван*, Полномочный Министр, Посольство Республики Корея в России (5 мин.).

1. *Адул Супанут* (Университет Сринакхаринвирот, Таиланд).
Отношение поколения Y и поколения Z к намерениям снизить концентрацию PM2.5 в Таиланде путём перехода к преимущественному использованию общественного транспорта (очно – 10 мин.).
2. *Причая Накфон* (Университет Сринакхаринвирот, Таиланд).
Управление проблемой наркотиков в Таиланде с помощью подхода снижения вреда (очно – 10 мин.).
3. *Картини Халид* (Национальный университет Малайзии, Малайзия).
Распределение гражданских обществ в Малайзии: изучение гуманитарной помощи (очно – 10 мин.).
4. *Майкл Тай* (Кембриджский университет, Член Королевского азиатского общества Великобритании и Ирландии,

- Великобритания*). Транснациональная экспансия китайских и российских университетов в АТР (очно – 10 мин.).
5. *Чжан Даньхуа* (Заместитель директора Института общественной дипломатии ШОС, Шанхайский университет, *Китай*). Как институты Конфуция формируют национальный имидж Китая посредством преподавания китайского языка (дистанционно – 10 мин.).
 6. *Фан Као Нят Ань* (Заместитель генерального директора Института исследований Южной Азии, Западной Азии и Африки при Вьетнамской академии общественных наук, *Вьетнам*). Гуманитарная помощь Индии и ликвидация последствий стихийных бедствий в Непале (дистанционно – 10 мин.).
 7. *Нур Джухайда Осман* (Исламский научный университет, *Малайзия*). Пример силы в единстве: региональный план АСЕАН в области здравоохранения и биозащиты (дистанционно – 10 мин.).
 8. *Пак Чон Су* (Экс-председатель Комитета по северному экономическому сотрудничеству, *Республика Корея*). Необходимость выделения территории опережающего социально-экономического развития (ТОР) для создания туристического кластера в Хасанском районе Приморского края (дистанционно – 10 мин.).
 9. *Ли Хи Чан* (Глава Московского представительства Промышленного банка Кореи, *Республика Корея*). Проблемы экономического сотрудничества Республики Корея и Российской Федерации (очно – 10 мин.).

Перерыв (кофе-брейк). 12:15–12:45

Дневное заседание (на рус.). 12:45–14:40

Модератор – Т.Е. Горчакова

10. *Кавато Акио* (Бывший советник-посланник в Посольстве Японии в РФ). Политика Японии по гуманитарному сотрудничеству в АТР (дистанционно – 10 мин.).
11. *Кириченко Мария Алексеевна* (Институт стран Азии и Африки МГУ им. Ломоносова). Атомные бомбардировки Хиросимы и Нагасаки: проблемы исторической интерпретации Японией и соседними странами (очно – 10 мин.).

12. *Казаков Олег Игоревич* (Институт Китая и современной Азии РАН). Об особенностях гуманитарного сотрудничества между Россией и Японией на современном этапе (очно – 10 мин.).
13. *Афонасьева Алина Владиславовна* (Институт Китая и современной Азии РАН). Сообщества зарубежных китайцев как инструмент неформального сотрудничества КНР с другими странами: экономический и гуманитарный аспекты (очно – 10 мин.).
14. *Макеева Светлана Борисовна* (Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН). Система «побратимского» гуманитарного сотрудничества России и Северо-Западного региона Китая (очно – 10 мин.).
15. *Каткова Евгения Юрьевна* (Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы). Сотрудничество Австралии и Китая в сфере науки и образования (очно – 10 мин.).
16. *Забелла Анастасия Александровна* (Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы). Сотрудничество Китая и Новой Зеландии в сфере науки и образования (очно – 10 мин.).
17. *Гамерман Евгений Вячеславович* (Институт комплексного анализа региональных проблем Дальневосточного отделения РАН). Миграционное взаимодействие приграничных территорий России и Китая как фактор обеспечения национальной безопасности (дистанционно – 10 мин.).
18. *Гулева Мария Александровна* (Московский государственный университет им. Ломоносова). Новые направления международного сотрудничества Китая в сфере образования (очно – 10 мин.).
19. *Меньшикова Екатерина Сергеевна* (Институт стран Азии и Африки Московского государственного университета им. Ломоносова). «Мастерские Лу Баня» как инструмент «мягкой силы» Китая в образовательной сфере (дистанционно – 10 мин.).

Перерыв (кофе-брейк). 14:40–15:00

20. *Линь Юнь* (Забайкальский государственный университет). Исследование практики и влияния гуманитарной помощи

- Китая и Соединённых Штатов в Азиатско-Тихоокеанском регионе: сравнительный анализ (дистанционно – 10 мин.).
21. *Залеская Ольга Владимировна* (Благовещенский государственный педагогический университет). Основные направления туристического взаимодействия между Амурской областью и провинцией Хэйлунцзян (дистанционно – 10 мин.).
 22. *Алексахина Светлана Никифоровна* (Институт Востоковедения РАН). О развитии международного туризма в рамках проекта «Великий чайный путь» (очно – 10 мин.).
 23. *Гараева Эльнура Магамедовна* (Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королёва). Русский язык как инструмент «мягкой силы» РФ в КНР (очно – 10 мин.).
 24. *Кузнецов Никита Григорьевич* (Институт демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН). Сравнительный анализ политики России и Китая в сфере привлечения иностранных студентов (очно – 10 мин.).
 25. *Эльц Елена Эдуардовна* (Санкт-Петербургский государственный университет), *Куриленко Ирина* (Институт Управления Ресурсностью). Образовательное сотрудничество в АТР и формирование межкультурной компетентности (очно – 10 мин.).
 26. *Ким Ен Ун* (Институт Китая и современной Азии РАН). Система гуманитарного сотрудничества Республики Корея (очно – 10 мин.).
 27. *Шарафетдинова Алина Исмаиловна* (Институт востоковедения РАН). Аспекты оказания международной гуманитарной помощи Корейской Народно-Демократической Республике в 2000–2005 гг. (очно – 10 мин.).
 28. *Нгуен Тхи Нган Занг* (Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы). Сотрудничество между Вьетнамом и США в культурной области в 2011–2025 гг. (очно – 10 мин.).

Завершение конференции и подведение итогов.

Регламент выступления – 10 мин.

По состоянию на 22.04.2025

Application

The program of the International scientific conference “Humanitarian cooperation of the Asia-Pacific countries” (Moscow, April 23, 2025)

PROGRAM

Location: Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences (ICCA RAS) (Academic Council Hall of the ICCA RAS, 4th floor)

Organized by the Center for Scientific Monitoring and Development of the ICCA RAS

Morning session (*in English*). 10:00–12:15

Moderator – T.E. Gorchakova

Opening remarks: Gorchakova Tatiana E. (ICCA RAS), PhD (Economics), Deputy Director for Science, Russia (5 min)

Greetings

- *Mrs. Waraphanee Damrongmanee*, Deputy Chief of Mission/Minister, Royal Thai Embassy in the Russian Federation (5 min)
- *Hayashi Naoki*, Counselor, Head of Information/Cultural Department, Embassy of Japan in Russia (5 min)
- *Cho Sung-Kwan*, Minister of the Embassy of the Republic of Korea in Russia (5 min)

1. *Adul Supanut* (Srinakharinwirot University, *Thailand*). Generation Y and Generation Z's behavior of public transportation intentions towards reducing PM2.5 in Thailand (in person – 10 min)
2. *Preechaya Nakfon* (Srinakharinwirot University, *Thailand*). Drug problem management through harm reduction approach in Thailand (in person – 10 min)
3. *Kartini Khalid* (Universiti Kebangsaan Malaysia, *Malaysia*). Mapping civil societies in Malaysia: exploring humanitarian aids (in person – 10 min)
4. *Michael Tai* (University of Cambridge, Member of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland, *Great Britain*). Transnational

- expansion of Chinese and Russian universities in Asia-Pacific (in person – 10 min)
5. *Zhang Danhua* (Deputy Director, Public Diplomacy Institute of Shanghai Cooperation Organization, Shanghai University, *China*). How Confucius Institutes are shaping China's national image through Chinese language teaching (online – 10 min)
 6. *Phan Cao Nhat Anh* (Deputy Director General, Institute for South Asia, West Asia and African Studies, Vietnam Academy of Social Sciences, *Vietnam*). India's humanitarian aid and disaster relief in Nepal (online – 10 min)
 7. *Noor Dzuhaidah Osman* (Universiti Sains Islam Malaysia, *Malaysia*). The case for strength in unity: ASEAN's regional health and biosecurity plan (online – 10 min)
 8. *Chong-Soo Park* (Ex-Chairman, the Presidential Committee on Northern Economic Cooperation, *Republic of Korea*). Necessity of designating a leading development zone for establishing a tourist cluster in the Khasan Region of Primorsky Krai (online – 10 min).
 9. *Lee Hee Chan* (Head of the Moscow office of the Industrial Bank of Korea, *Republic of Korea*). Problems of economic cooperation between the Republic of Korea and the Russian Federation (in person – 10 min).

Coffee break. 12:15–12:45

Afternoon session (*in Russian*). 12:45–14:40

Moderator – T.E. Gorchakova

10. *Kawato Akio* (Former Minister-Counselor at the Embassy of Japan in the Russian Federation, *Japan*). Japan's Policy on Humanitarian Cooperation in the Asia-Pacific Region (online – 10 min).
11. *Kirichenko Maria A.* (IAAS MSU, *Russia*). Atomic bombings of Hiroshima and Nagasaki: problems of historical interpretation by Japan and neighboring countries (in person – 10 min).
12. *Kazakov Oleg I.* (ICCA RAS, *Russia*). On the specifics of humanitarian cooperation between Russia and Japan at the present stage (in person – 10 min).
13. *Afonasyeva Alina V.* (ICCA RAS, *Russia*). Communities of overseas Chinese as a tool for informal cooperation between China

- and other countries: economic and humanitarian aspects (in person – 10 min).
14. *Makeeva Svetlana B.* (FCTAS RAS, *Russia*). The system of “twin” humanitarian cooperation between Russia and the Northwest region of China (in person – 10 min).
 15. *Katkova Evgeniya Yu.* (RUDN University, *Russia*). Cooperation between Australia and China in the field of science and education (in person – 10 min).
 16. *Zabella Anastasia A.* (RUDN University, *Russia*). Cooperation between China and New Zealand in the field of science and education (in person – 10 min).
 17. *Gamerman Evgeniy V.* (ICARP of the Far Eastern Branch of the RAS, *Russia*). Migration interaction of border territories of Russia and China as a factor in ensuring national security (online – 10 min).
 18. *Guleva Maria A.* (Lomonosov MSU, *Russia*). New directions of China's international cooperation in education (in person – 10 min)
 19. *Menshikova Ekaterina S.* (IAAS MSU, *Russia*). Luban Workshops as China's soft power tool in education (online – 10 min).

Coffee break. 14:40–15:00

20. *Lin Yun* (Transbaikal State University, *Russia*). A study on the practice and impact of China and the United States humanitarian aid in the Asia-Pacific Region: a comparative analysis (online – 10 min).
21. *Zalesskaya Olga V.* (BSPU, *Russia*). Main directions of tourist interaction between Amur region and Heilongjiang province (online – 10 min).
22. *Aleksakhina Svetlana N.* (IOS RAS, *Russia*). On the development of international tourism within the framework of the Great Tea Road project (in person – 10 min).
23. *Garayeva Elnura M.* (Samara University, *Russia*). Russian language as an instrument of soft power of the Russian Federation in China (in person – 10 min).
24. *Kuznetsov Nikita G.* (Institute of Demographic Research FCTAS RAS, *Russia*). Comparative analysis of Russian and Chinese policies in attracting foreign students (in person – 10 min).

25. *Eltz Elena E.* (Saint Petersburg State University, *Russia*), *Kurilenko Irina* (Institute of Resource Management, *Russia*). Educational cooperation in the Asia-Pacific region and the formation of intercultural competence (in person – 10 min).
26. *Kim En Un* (ICCA RAS, *Russia*). The system of humanitarian cooperation of the Republic of Korea (in person – 10 min).
27. *Sharafetdinova Alina I.* (IOS RAS, *Russia*). Aspects of the provision of international humanitarian aid to the Democratic People's Republic of Korea in 2000–2005 (in person – 10 min).
28. *Nguyen Thi Ngan Giang* (RUDN University, *Russia*). Vietnam-US cultural cooperation in 2011–2025 (in person – 10 min).

Conclusion of the conference and summing up.

Time limit of the presentation – 10 min.

As of Apr 22, 2025

Уважаемые коллеги!

Электронный научный журнал «Восточная Азия: факты и аналитика» (eISSN 2686-7702) – ежеквартальное издание, созданное в 2019 г. в Институте Дальнего Востока РАН (с 2022 г. – Институт Китая и современной Азии РАН) с целью освещения широкого круга актуальных научных проблем стран Восточной и Юго-Восточной Азии, включая вопросы внутренней и внешней политики, экономики и общества, истории, литературы и языкознания, культуры и религии. Это академическое издание публикует в режиме открытого доступа (open access) информационно-аналитические материалы, посвящённые современным экономическим, политическим, социальным и культурным процессам, протекающим в регионе.

К настоящему времени журнал индексируется в Научной электронной библиотеке eLibrary.ru и Российском индексе научного цитирования (РИНЦ), Научной электронной библиотеке «КиберЛенинка», входит в Перечень Высшей аттестационной комиссии, а также индексируется в иностранных базах и репозиториях DOAJ, ErihPlus, EBSCO, EastView, Zenodo и др. Решается задача продвижения журнала в другие российские и международные электронные базы и системы научного цитирования.

Редакция журнала приглашает к сотрудничеству как молодых авторов, желающих развиваться в сфере науки, так и научных сотрудников, включая маститых учёных, пишущих на русском и английском языках. Мы принимаем классические научные статьи по теме журнала, а также другие материалы, например, материалы о прошедших научных конференциях для раздела «Научная жизнь» или статьи-рецензии на востоковедческие книги для раздела «Книжная полка». Все поступающие в редакцию статьи рецензируются экспертами. Публикации для авторов – бесплатные.

*Приглашаем стать авторами журнала
«Восточная Азия: факты и аналитика»!*

URL: <http://eastasiajournal.ru/>

Dear Colleagues!

The electronic scientific Journal “East Asia: Facts and Analytics” (eISSN 2686-7702) is published quarterly since 2019. It was founded by the Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences (since 2022 – the Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences). It presents the coverage of a wide range of topical scientific problems of the countries of East and Southeast Asia, including the issues of domestic and foreign policy, economy and society, history, literature and linguistics, culture and religion. The periodical provides information and analytical material on modern economic, political, social and cultural processes taking place in the region in the open access mode.

To date, the Journal is indexed in the Russian Scientific Electronic Library eLibrary.ru and the Russian Index of Science Citation (RISC), the Scientific Electronic Library “CyberLeninka.ru”, included in the List of the Higher Attestation Commission (HAC), as well as in foreign databases and repositories such as DOAJ, ErihPlus, EBSCO, EastView, Zenodo, etc. We currently work on promoting the Journal to the other Russian and international electronic databases and scientific citation systems.

The Editors Office of the Journal is looking to cooperate both with young authors who want to develop in the field of science and researchers, including highly respected scientists who write both in Russian and English. We accept classical scientific papers corresponding with the aims and scope of the Journal, as well as other materials, for example, materials about past scientific conferences for the section “Academic life” or Oriental book reviews for the section “Book Review”. All articles submitted to the Editors Office are peer-reviewed by qualified experts. Publications are free for the authors.

*We are glad to welcome new authors of the journal
“East Asia: Facts and Analytics”!*

URL: <http://eastasiajournal.ru/>

Научное издание

**Международная научная конференция
Гуманитарное сотрудничество стран АТР**

Москва, 23 апреля 2025 года

Тезисы докладов

Редактор *А.А. Цветкова*
Выпускающий редактор *Е.В. Белилина*
Корректор *Л.С. Лаврова*
Компьютерная вёрстка *Т.И. Суркова*
Обложка *В.Н. Субочева, Т.В. Иваншина*

Подписано в печать 03.07.2025.

Формат 60х90/16. Печать офсетная. Гарнитура «Таймс».

Усл. печ. л. 7,25. Уч-изд. л. 7,5. Бумага офсетная.

Тираж 500 экз. (1-й завод — 50 экз.).

ФГАУН ИКСА РАН

Сайт ИКСА РАН:

www.iccaras.ru

Почтовый адрес ИКСА РАН:

Москва 117997, Нахимовский пр-т, 32.